

ВАЛЕНТИНА ЛАДНАЯ

**БЕСПОЩАДНАЯ
ЛЮБ[♥]ВЬ
(НЕ)ГЛАВНОГО
ГЕРОЯ**

Валентина Ладная Беспощадная любовь (не) главного героя.

<https://litres.ru/74227629>

Аннотация

Много стекла и жестокости. Героине придется несладко. Слабонервным прошу не читать. - Я не она! Я другой человек! – отчаянно кричу, но никто не желает слышать меня. - Злодейка! Преступница! Ведьма! – зло выплевывают в мою сторону. Но я не она! Когда жених изменил мне на свадьбе, я потеряла себя... Пока кто-то сверху не сжалился... или, наоборот, не покарал меня. И вот я здесь. Любимый роман, затертая до дыр книга – теперь моя новая жизнь. Но я не главная героиня, а злодейка, отданная в наказание чудовищу. Найду ли я здесь любовь или буду страдать, отвечая за чьи-то грехи?

Содержание

Глава 1	4
Визуализация героини.	11
Визуализация героя.	12
Глава 2	13
Глава 3	17
Глава 4	24
Глава 5	29
Герои.	35
Глава 6	36
Глава 7	43
Глава 8	48
Моя любовь к вам!!!	55
Глава 9	57
Глава 10	60
Глава 11	71
Глава 12	75
Глава 13	84
Глава 14	90
Глава 15	99
Глава 16	106
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Глава 1

Дорогие мои. Я рада приветствовать вас в моей новинке. Надеюсь вам понравится. Добавляйте историю в библиотеку. Запасайтесь терпением. Будет горячо. Местами страшно. И очень эмоционально.

- Олеся, открой! – громкий, проникающий в каждую клетку моего тела стук режет барабанную перепонку.

Дверь трещит от яростного натиска.

- Открой, говорю! Ты все неправильно поняла!

Мотаю головой, сжимая тонкий материал подвенечного платья, стараясь изгнать из памяти лицо мужчины, что сейчас стучится не в дверь. Нет! В мое разбитое сердце, кроша его в труху.

- Если не откроешь, я разнесу все тут к чертям! Дура... какая же ты безмозглая дура!

Дергаюсь от его слов, как от пощечины. Никогда не слышала от него ничего подобного. А сейчас содрогаюсь от омерзения, что еще каких-то два часа назад я мечтала видеть его своим мужем.

Как у него хватает наглости злиться на меня, обвинять, бросая грубые, жестокие слова?

Уму непостижимо!

- Тварь. Открой. Не позорь меня!

Горько усмехаюсь. Не позорь... меня.

- Уходи, – шиплю почти шепотом, размазывая по лицу черные от туши дорожки слез.

Сердце колотится как сумасшедшее. Болит. Надрывается. Больно. Очень.

От злости и бессилия бью кулаком по кровати, на которой сижу. Она стонет вместе со мной.

Истерика набирает обороты.

Мерзко. Это так мерзко.

Изменить мне с лучшей подругой в туалете загса!

Не сдержался, предатель!

Как я могла так ошибиться? В человеке! В своем выборе!

Денис очень красивый мужчина. Видный, что обязательно бы отметила моя бабушка. Но также она бы непременно добавила, что он мне не пара. Ее бы с первой секунды насторожил его холодный, жесткий взгляд. Меня он сам не согревал. Но в девятнадцать лет так легко ошибиться. Особенно когда рядом нет человека, который может подсказать, дать совет.

Бабушка, как же мне тебя не хватает, родная. Я совсем не умею жить самостоятельно. Совсем.

По щекам снова струятся жгучие слезы.

Кусаю губы, собирая кончиком языка соленую влагу.

Все тело колотит от разъедающей внутри горечи.

Ты бы, бабуль, отговорила меня.

Направила.

Уберегла.

Смахиваю с лица спутанные волосы.

Утром, смотря на себя в зеркало, я видела в отражении прекрасную девушку. Со счастливыми блестящими глазами, мечтающую провести жизнь рука об руку с любимым мужчиной.

А как я планировала торжество! Шикарный ресторан. Только самые близкие гости. Оформление живыми цветами, музыканты, играющие нашу с ним мелодию. Все до мелочей, не замечая самую большую ложь в своей жизни.

Поэтому и финал такой ошеломительный. Нет, даже не финал... а начало. Самое начало. Которое он с легкостью растоптал!

Громко всхлипываю, перекрывая шум за дверью. Денис продолжает тарабанить в дверь, требуя впустить его.

Затыкаю ладонями уши.

Не хочу его слышать! Не могу его видеть! Я и убежала сюда, в бабушкин дом, надеясь, что он не станет меня догонять. Как есть, в туфлях на высоком каблуке, с длинной фатой, шокирую прохожих своим видом.

Мчалась, не чувствуя ног. Точно летела с обрыва подстреленной птицей, готовая в любой момент разбиться об острые камни.

Не плакала. Только кричала от бессилия. А когда услышала, что он пришел, не выдержала и разревелась, высвобождая боль.

Как гнойник, вскрывая грудную клетку, чтобы разом и на-

верняка.

Поджав под себя ноги, я как в детстве качаюсь.

Туда-сюда...

И точно вижу себя со стороны.

Жалкое зрелище.

Но ничего с собой поделать не могу.

Я слабая, беспомощная...

Спустя какое-то время открываю уши.

Тишина.

Неужели он ушел?

Неуверенно поднимаюсь. Крадусь мышью к двери.

Ушел.

От облегчения распирает в груди.

Он ушел!

Меня всегда кто-то оберегал.

Сначала родители. А после их случайной гибели опеку надо мной взяла бабушка.

Много лет она была рядом. Дарила любовь и заботу.

Но полгода назад и ее не стало.

Вот я и вляпалась. Поверила Денису, который с первого взгляда покори́л своей силой. Он казался таким непробиваемым, фундаментальным. Надежным.

Рядом с ним я действительно чувствовала себя хрупкой, нежной... фарфоровой статуэткой, как ласково называла меня бабашка.

Статуэткой...

Безжалостно срываю фату.

Никчемной. Зависимой.

Освобождаю волосы от многочисленных шпилек и невидимок.

- Если б только я знала, что так замужем плохо, – тихонько вою.

Бабушка эту песню очень любила. И мне она вспомнилась.

Очень кстати и вовремя.

Подхожу к ее портрету, упреком стоящему на старинном серванте.

Какая же она красивая. Жгучая брюнетка с огромными черными глазами. Внешностью я пошла в нее... но вот характером. Он у нее был стальной. Не то что у меня. За глаза ее многие называли ведьмой, не догадываясь, что в ней нет и капли подлости.

Тяжело вздыхаю, смахивая со стекла толстую пыль. Указательным пальцем прохожусь по корешкам книг, в изобилии стоящих на книжных полках.

Это мой рай... – слышу голос бабушки.

Она много читала. И меня приучала. Правда долго и не слишком успешно, пока я не вошла в пубертатный период... и не наткнулась на обыкновенный любовный роман. Откуда он взялся у нее, я не знаю. Но после этой книги я стала читать все подряд.

Да. Обычный любовный роман. Сейчас уже, перечитав сотню мировых бестселлеров, классику и научные труды, я

понимаю, что та история далеко не лучшее произведение. Но именно оно произвело неизгладимое впечатление на мое девичье сердце.

Какая там была любовь! Какой герой, в которого я влюбилась с первых страниц!

О таких чувствах я наивно мечтала и продолжаю мечтать...

Глупо и безнадежно.

Но не могу себя перекроить. Не могу спуститься с небес.

Неужели такая любовь живет лишь в фантазии автора?

Грустно улыбаюсь.

Книга до сих пор пылится на полке.

Безошибочно нахожу ее, поглаживая пальцами глянцевою поверхность.

Я даже автора не помню.

Странно. Изучив книгу со всех сторон, я не могу отыскать имя человека, который ее написал.

Только название «Вечная любовь» – и все. Автора нет.

Первый раз такое встречаю.

Открываю первую страницу, окунаясь с головой в воспоминания. В нос ударяет запах детства. Как же необыкновенно пахнет пожелтевшая от времени бумага. А шелест страниц...

Забираюсь с ногами на кровать. Укутываясь в тепло тонкого одеяла. Все в том же платье. С размазанным макияжем.

Все завтра. Сегодня я хочу уйти от реальности. Погру-

зиться в историю. В героев.

Кусаю губы от нетерпения.

Завтра. Я обо всем подумаю завтра. А сейчас только я и любимая книга. Один на один. Неземная любовь, придуманная кем-то, и моё разбитое вдребезги сердце. Я так хочу хоть немного прикоснуться к этому волшебству, чтобы унять ненадолго эту жгучую, разъедающую боль в моём сердце.

Кто мог быть этим автором, что так невероятно описал чувства между героями. Отчего я до сих пор брежу ими, ищу аналогии, путая вымысел с реальной жизнью.

Книга в руках неожиданно нагревается. Кожу как электроком пронизывают чувственные импульсы. Я дергаюсь, но продолжаю жадно всматриваться в печатные буквы и читаю первое предложение, чувствуя, как сознание уходит в историю, превращая слова в картинки.

Визуализация героини.

Героиня. Олеся или Оливия...как будут ее звать в новом мире.

Визуализация героя.

Раднор.

Пока он для вас темная лошадка. Но обещаю, что со временем вы его полюбите.

Глава 2

Размеренное покачивание и тепло чьих-то объятий мешают окончательно проснуться. Тело застыло, словно я очень долго находилась без движения.

Я что, уснула, пока читала?

Денис?

Открываю глаза и в ужасе застываю... всего на секунду, после чего начинаю яростно брыкаться, пытаюсь как можно скорее высвободиться.

Это не Денис! Это вообще неизвестный мне мужчина. Рыжий. Длинноволосый. С густой бородкой на хмуром, каменном лице.

- Отпустите! – отчаянно пишу, ужом выворачиваясь в его сильных руках.

- Замолкни, – говорит грубо, точно плюет в меня этим словом. При этом смотрит так, что в жилах замерзает кровь. Я буквально покрываюсь толстой коркой льда. По всему телу сходят с ума колючие мурашки.

Мамочки... Я стала жертвой маньяка?

Ну не может ТАК смотреть обыкновенный человек. Зло, испепеляюще и одновременно равнодушно, я бы даже добавила, скучающе, словно я пустое место и возиться со мной ему в тягость.

- Что вам от меня надо? – рискую. Голос предательски

дрожит. Зубы как дробь отбивают нервную чечетку. Мне страшно. Очень. Мамочки. Кто же он такой? Как я могла настолько крепко спать, чтобы не почувствовать, что меня похищают? Или мне что-то вкололи, принудительно отправляя в глубокий сон? Ничего не помню... кроме книги и бабушкиного дома. Ничего. Мысли испуганно жмутся друг к другу...

Мой похититель продолжает уверенно идти, игнорируя мой вопрос. Его пальцы с силой вжимаются в мою нежную кожу, оставляя на ней болезненные следы.

Мы на улице? Зажатая в его руках, не имея возможности посмотреть по сторонам, я теряюсь в догадках, где мы... Надо мной простирается синее, безоблачное небо. Но ни единого постороннего звука вокруг. Только его тяжелые шаги и все... Ничего больше.

По телу пробегает озноб. Дыхание замирает и переходит на хрип.

К горлу подступают слезы. Я чувствую их соль на языке... они прожигают веки, отчего зрение туманится, плывет.

- Помогите, – кричу громко и протяжно. Но вместо помощи получаю сильный толчок. Он подбрасывает меня в воздухе и ловит обратно, вцепляясь раскаленными пальцами в мои волосы. Тянет назад, запрокидывая голову. Глаза страшные... изучающие... Никогда не видела таких глаз. Словно не живые, не человеческие. Ледяные. Беспощадные... вот правильное слово. Длинные каштановые ресницы дают тень, добавляя его выражению лица еще больше хмурости.

- Я сказал замолкни, иначе найду способ заткнуть тебе рот.

Все... дальше моя нервная система не выдерживает. Я беззвучно плачу, содрогаясь всем телом.

В голове сотни идей, что именно он собирается со мной делать.

И чем больше я ухожу в свои фантазии, тем хуже мне становится. Я уже не контролирую тело. Оно живет своей жизнью... Пальцы царапают жесткий материал рубашки похитителя, скребут, будто пытаются отыскать сердце у мужчины. А его нет... Судя по лицу, ему параллельны мои слезы, мой страх.

Что же это за человек такой?

Мужчина идет долго. Смотрит исключительно прямо, больше на мне не сосредотачиваясь.

И я благодарна ему за это.

Пусть не смотрит на меня... Не надо... такой взгляд: прилипающий под кожу... убивающий во мне все человеческое. Нет.

Не знаю, что он задумал, но лучше больше не привлекать к себе внимание.

Кусаю губы... Нужно решить, что делать дальше. То, что в таком положении вырваться не получится... понимаю без всяких иллюзий. Человек слишком сильный. Непробиваемый.

Значит придется ждать удобного случая, чтобы сбежать и

прямоком отправиться в полицию...

Господи, пусть у меня появится этот шанс. Я не хочу... не хочу оставаться с этим человеком наедине.

Один на один со своими мыслями, я так накручиваю себя, что, когда маньяк вдруг останавливается, я напрягаюсь, кричу, царапая его ногтями, бью наотмашь, ожидая чего угодно, кроме того, что он бесцеремонно перекинет меня... на лошадь? Нет... не может быть правдой... лошадь!

Запах навоза и животного пота врзается в ноздри. Щекочет рецепторы. Волосы лезут в глаза, видно очень плохо. Но это точно лошадь. Тело мужчины приземляется рядом. Одной рукой он подвигает меня к себе, прикасаясь коленями к моему телу. Содрогаюсь от такой близости. Но поделать ничего не могу.

Чувствую, как тянется за поводьями. Все это ощущается интуитивно, на грани инстинктов.

Куда же он меня принес? Кто он вообще такой? И почему, задирая голову, оглядывая окрестность, я нахожусь посреди какой-то немыслимой степи... я, городской человек, живущий в самом сердце огромного города.

Глава 3

От сильной качки меня безумно тошнит. Я как мотылек бултыхаюсь, пойманная живодером в жестяную банку. В голове нарастает гул. Каждое движение лошади отдается болью в теле.

Мой похититель ни на секунду не останавливается, не сбавляет скорости. Даже кажется, наоборот, разгоняется еще быстрее. Земля болезненно мелькает перед глазами. Тело вибрирует. Я вся вибрирую, громко клацаю зубами.

И в какой-то момент просто не справляюсь и теряю сознание.

Чтобы когда открыть глаза... оказаться в каком-то разваливающемся, пропитанном запахом навоза и прочих отходов сарае. Крепко привязанной к столбу, как самая настоящая пленница.

Боже.

Дергаю затекшие руки. Веревка до ссадин врезается в тонкие запястья. Я совсем не чувствую конечностей. Пытаюсь ими пошевелить. Сотня иголок врезается в кожу. Но я продолжаю дергаться уже всем телом, стараясь как можно быстрее освободиться.

Безрезультатно.

Нечеловеческий страх ядовитой змеей ползет по моему телу. Нагло забирается под кожу, отравляя кровь. Я кусаю

губы в кровь, судорожно осматриваясь по сторонам.

Почему я здесь? Почему никого не волнует, что я пропала? Меня вообще ищут? Неужели это все провернул Денис? Опустился до того, что нашел людей, которые меня смогли похитить.

Нет. Не думаю.

Да и зачем?

Богатых родственников у меня нет. Сбережений и наследства тоже. Только старый бабушкин дом, в котором нет особой ценности.

Тогда почему я здесь? И что это за человек?

Нужно срочно выбираться отсюда!

Применяю очередную попытку развязать руки. Зубами рву толстую веревку, обжигая губы об колючую поверхность. На языке появляется солоноватый привкус волокна. Рот забивается мелкими нитками. Но толку от этого никакого. Как бы я ни старалась, у меня попросту не хватает ни сил, ни времени, чтобы прокусить жгут полностью.

Нужно найти что-то острое. До того момента, как похититель надумает вернуться.

Мозг работает как высокоскоростной компьютер. Мысли хаотично летают в голове, в поисках хоть какой-нибудь идеи.

Всем телом раскачиваюсь в разные стороны.

Бревно, к которому я привязана, несущее. А значит, если получится его расшатать и каким-то чудом завалить, то я окажусь погребенной под хлипкой, но достаточной весомой

крышей.

Что же придумать?

Деревянный пол полностью покрывает тонкий слой сена. Возможно, удастся раздобыть что-нибудь. Инструмент... или запчасть.

Да хотя бы ржавый гвоздь.

Все подойдет. Наверное, подойдет.

Еще ни разу в жизни я не чувствовала себя настолько беспомощной. Когда сходишь с ума от бессилия и желаешь только одного – спастись... уцелеть... любой ценой.

Вытягиваю ноги. Руки натягиваются до предела. Сухожилия трещат. Но иначе никак. Мне нужно исследовать как можно больше площади поверхности.

Шарю ногами, стараясь не обращать внимания на боль и ломоту в теле.

Ничего. Пусто. Абсолютно.

Слезы застилают глаза. Я тяжело дышу, стараясь как можно быстрее собраться с мыслями. Опускать руки ни в коем случае нельзя. Я обязательно что-нибудь придумаю.

- Она там? – за тонкой деревянной перегородкой вдруг раздается мужской голос.

Замираю... прислушиваясь к тяжелым шагам.

Нет, нет! Еще рано. Не хочу... мамочки!

В одно движение принимаю ту самую позу, в которой очулась. Стараюсь дышать ровно, расслабляя свое измученное тело.

Получается плохо.

Руки дрожат. Через тонкую ткань свадебного платья в мои колени впиваются мелкие ворсинки сена. Безумно хочется унять зуд и боль. Но я застываю. Успеваю, за доли секунды, услышав, как дергается скрипучая дверь. В глаза бьет яркий свет. Я закрываю глаза, прислушиваясь к посторонним звукам. В сарай входят несколько человек. Возможно, мужчин. Возле себя, даже закрытыми глазами, я ощущаю тень. Мощную. Давящую.

Все мое тело сжимается от страха. А еще от неведения.

Кто это?

- Ты уверен, что тебе это нужно? Связываться с такой, как она?

Низкий голос мужчины взрывает напряженную тишину. Сердце пропускает удар.

Господи, хоть бы никто не заметил, что я в сознании! Моя кожа словно воспаляется, горит. Я чувствую на себе чужой взгляд. И нет в этом взгляде теплоты, только осязаемая, направленная исключительно на меня ненависть.

Почему эти люди меня ненавидят? Что я им такого сделала?

- Мне не надо... – без каких-либо эмоций отвечает уже знакомый голос, принадлежащий моему похитителю.

И снова мое тело реагирует на него странно. Покрывается изморозью. Деревенеет. Точно он не говорит рядом, а обливает меня ледяной водой. – Но ты же прекрасно знаешь, что

у меня нет выбора.

Судя по шуршанию, рыжеволосый мужчина присаживается на корточки. Рядом со мной.

Перестаю дышать. Легкие надрываются, удерживая меня от желания сделать вздох. Но долго обходиться без кислорода не получается. Отпускаю себя, медленно, крохами вбирая воздух. Мое обоняние улавливает терпкий мужской запах. Не скажу что противный, скорее необычный. Так пахнет настоящая мужская сила. Без лишних нот и отдушек. Похититель наклоняется близко, прямо к моему лицу, обжигая своим дыханием. Сердце, кажется, выпрыгивает из груди, громылая на весь сарай.

- Красивая, тварь. Даже слишком.

Касается моего лица. Его горячие пальцы грубо дергают меня за волосы. Испуганно замираю. Заметил ли он, понял, что я притворяюсь?

Давление на коже головы исчезает. Он меня отпускает, поднимаясь на ноги. А из меня невольно вырывается вздох облегчения. Господи. Как же страшно.

Безумно. Я в руках настоящего маньяка.

Но разговор этих двоих продолжается.

- И ничего нельзя сделать?

Вроде не заметил. Или только сделал вид? В любом случае нужно и дальше притворяться, что я их не слышу. Может, удастся что-то узнать полезное.

- Убить? – холодею от этих слов... – Нет... я эту суку пла-

нирую держать рядом... пусть мучается.

Горький смешок.

- Усмешка судьбы, да? Она и ты... кто бы мог подумать, – беззлобно усмехается второй, точно не я сейчас нахожусь в ужасном положении, а мой похититель. – Как к такому исходу отнеслись Вэргиль и Анна?

Какие странные имена... и очень знакомые. Где я могла их слышать раньше?

- Кто я такой, чтобы спорить с богами. Однако я сделаю все, чтобы ведьма получила по заслугам.

- Но тогда ты... – перебивает рыжеволосого его сообщник.

- Она не умрет. Не переживай. Убивать ее я не собираюсь.

Есть другие способы сделать ее жизнь невыносимой.

О чем они вообще ведут речь?

Это я ведьма? Это мою жизнь он собирается сделать невыносимой?

Но я же никогда прежде не встречала этого мужчину. Такой типаж я бы точно запомнила. Слишком большой. Слишком грубый. Еще эти волосы, длинные, непокорные. Рыжие.

В висках бешено пульсирует жилка. По спине стекает пот... я из последних сил держусь, чтобы не пошевелиться.

А после услышанного так вообще хочется вскочить и закричать, чтобы отпустили меня немедленно. Но страх за свою жизнь пересиливает любые порывы.

Я не уверена, что мои слова что-то изменят. Эти двое так уверенно говорят обо мне. Слишком уверенно, чтобы заста-

вить их забрать свои слова обратно.

Боже. Это сумасшедшие. Точно! У нас в городе есть псих-больница. Так, может, они сбежали оттуда?

- Пошли... пусть висит тут. Я тебя накормлю. Дорога даль-няя. Да и поспать бы тебе не помешало.

- Некогда спать. Вечером выдвигаемся. В Коноре слиш-ком много дел. Да и товар нужно подготовить.

- Ее не будешь выставять?

- Были мысли. И если бы не это... – мужчина, видимо, что-то показывает другому, раз тот сдавленно хмыкает, а после смачно сплевывает, словно ему противно это видеть.

- Сочувствую, брат.

Тяжелый вздох.

- Сначала в Конор, а после уже решу, что с ней делать. Главное, что зверь пробудился, а с остальным я и сам смогу разобраться.

Глава 4

Только после того как мужчины уходят, я даю волю слезам. Плачу горько, протяжно. Вкладывая в каждую слезинку боль и страх. Все, что нарывало с момента, как я очнулась в руках похитителя, а теперь выплескивается соленым водопадом, даря временное, но облегчение.

Возвращается мужчина примерно через часа полтора. Точнее определить сложно. Я до сих пор не могу принять, что все происходящее со мной реально. Поэтому и нахожусь в состоянии некой прострации, не теряя надежды, что если это вдруг и не сон, то, возможно, чья-то глупая, очень глупая шутка.

Его присутствие ощущается мгновенно. Воздух густеет. А тяжелая аура давит, нагнетает, точно высасывая из пространства весь кислород. Дышать становится трудно.

Я громко всхлипываю и вскидываю голову, чтобы хорошенько рассмотреть лицо преступника.

Да, мне нужно его запомнить. Определить особые приметы, чтобы потом, когда я освобожусь, дать сотрудникам полиции подробное описание его внешности.

Высокий. Широкоплечий. В странной одежде, словно он сбежал с костюмированной вечеринки, где изображал грозного пирата или разбойника.

Волевое лицо, с мощной челюстью. И нос горбинкой. Ры-

жие борода и длинные, слегка волнистые волосы, которые он собирает в небрежный хвост.

От него невероятно веет мужской силой и властью. Такой, точно ни перед чем не остановится. Вернее, его никто не сможет остановить.

Господи, а если и полиция струсит, предпочитая закрыть глаза на преступление, лишь бы не вступать с таким, как он, в перепалку.

Нет.

Исключено.

Это же полиция! В нее абы кого не берут. Они обязаны принять меры.

Опускаю взгляд на мощный торс, на руки с толстыми темными венами. Огромные кулаки, которые он то сжимает, то разжимает, будто злится. Не руки, а кувалды.

Отчаянно прикусываю губу.

Рядом с таким любой другой мужчина будет смотреться каким-то мелким, слабым.

Уверена, что Денис ему и в подметки не годится. Хотя неверный жених слишком любил свое накачанное тело. Гордился им, частенько красуясь передо мной без рубашки. Он бы очень удивился, увидев такое тело. Даже в одежде похититель выглядит внушительно. Под рубашкой перекачиваются стальные мышцы. И он не красуется. Это так и есть.

Лениво подходит, ловя синими глазами меня на мушку, при этом смотря так, словно видит впервые.

В глубине его страшных глаз бушует море. И мне вдруг кажется, что в них мелькает легкое, мимолетное удивление.

Нет. Показалось.

Закрываю глаза. Не могу. Пропитанный ненавистью взгляд лишает воли.

Так и стою, чувствуя, как его пальцы бесцеремонно освобождают мои запястья... не до конца, лишь отвязывая от балки. Руки до плеч пронизывает острая боль. Я невольно морщусь. Мужчина тянет, заставляя следовать за ним. На привязи. Как собачонку.

Выхожу за пределы сарая. Яркое солнце бьет в глаза. Я шурюсь, не понимая, где нахожусь.

Деревня? Обычные деревянные дома. Бегают куры. Лают собаки. А где-то вдалеке слышится человеческая речь.

Люди... значит можно позвать на помощь.

- Я хочу в туалет, – говорю быстро, боясь, что от страха передумаю и все испорчу. Мне нужно попытаться добраться до людей.

Останавливается. Возле своей лошади. Его длинные сильные пальцы играют с веревкой, которая тянется к моим связанным запястьям.

Натягивает. Я делаю шаг к нему.

Боже. Он точно сумасшедший. Так смотреть нормальные люди не могут.

Сглатываю ком.

- Потерпишь, ведьма.

Мотаю головой и снова делаю шаг. Он медленно, но верно наматывает веревку на локоть, заставляя меня двигаться к нему навстречу.

- Мне очень надо, – вкладываю в голос всю жалость, на которую способна.

Презрительно хмыкает.

- Иди. Только на привязи. Я буду рядом.

От бесчеловечности и абсурдности ситуации на моих глазах вновь выступают слезы.

Что мне делать? Как вырваться, когда он не гнушается нарушить любые нормы и приличия.

- И как мне это сделать, если у меня связаны руки? – показываю на запястья, ощущая, как по щеке бежит слеза.

Практически впечатывает меня в свое тело. Не могу пошевелиться.

- Я помогу, подержу платье, – говорит спокойно, а во мне атомной бомбой взрывается протест...

- Да как ты смеешь... – быю связанными руками по стальной груди. Еще и еще раз. – В тебе что, нет ни грамма жалости. Я женщина... девушка. Со мной так нельзя!

- Замолчи, – зло рычит в лицо, хватая меня за шею. Сильные пальцы перекрывают воздух. Я быюсь как рыба на берегу, не в силах сделать вдох. – Наконец ты показала свое истинное лицо. А то я было подумал, что ты вдруг изменилась... Что, не нравится, дорогая женушка, как к тебе относится твой муж? Так знай... это я себя очень сильно сдержи-

ваю... ты заслуживаешь гораздо большего.

Глава 5

Я? Жена? Что он несет!

От его слов со мной что-то происходит. В груди нарастает зудящее давление, сопровождающееся невероятной ненавистью к человеку, что смеет так со мной поступать.

А еще говорить.

Гнев растет. Увеличивается в размерах. Меня уже не волнует, что его пальцы до сих пор сжимают шею, а глаза продолжают смотреть с неприязнью.

На все плевать.

Запрокидываю голову назад, не в силах справиться с огромной мощью в грудной клетке.

- На меня твоя сила не действует. Наша связь не даст мне навредить, – с усмешкой предостерегает меня мужчина.

Какая сила? О чем это он?

И вместо того чтобы спросить, я отталкиваю мужчину от себя все теми же связанными руками, да так лихо, что он с легкостью отлетает на несколько метров.

С глухим стуком падает на спину, но быстро вскакивает обратно, собираясь схватить меня заново.

- Твоя сила против меня бессильна, – рычит, сверкая своими глазами.

- А если вот так, – вдруг говорю против воли. Словно кто-то за меня шевелит губами. Да и голос меняется, становясь

более низким... злым. Не таким, как мой собственный.

Что за на фиг...

Взмах руками, и лежащее неподалеку бревно стремительно поднимается вверх. Я таращу глаза, не понимая, что происходит.

Это я делаю?

Мамочки...

Размахиваю бревном, словно дубинкой, и обрушиваю его на своего похитителя.

От силы удара он снова падает. На этот раз наверняка.

Сердце бухается в пятки.

Я убила его... Я?

Медленно подхожу, не в силах остановить дрожь в теле.

Зуб на зуб не попадает.

Не буду подходить близко. Посмотрю на расстоянии.

А когда замечаю его вздымающуюся грудь, выдыхаю.

Живой... живой, но без сознания. А значит, у меня есть шанс сбежать.

Срываюсь, беря направление вглубь деревни.

Платье то и дело путается в ногах. Да и связанные спереди руки мешают передвигаться быстро. Но я стараюсь, гонимая единственным желанием как можно скорее добраться до людей. Не думаю, что у меня много времени. Мой похититель скоро очнется и непременно отправится в погоню.

- Помогите, – отчаянно кричу, когда вижу первого настоящего человека.

Вернее женщину, несущую на плечах огромных размеров мешок. Ее одежда далека от современной. Длинная цветастая юбка, рубашка с короткими рукавами и необычный чепчик, полностью скрывающий ее волосы.

При моем появлении она бросает мешок на землю, поднимая плотную, густую пыль, и пятиться назад. Я ускоряюсь, боясь, что сейчас потеряю ее из вида. Тем более она успевает развернуться ко мне спиной и добежать до ближайшего дома, поднимаясь по скрипучим ступенькам.

- Да стойте, вы. Мне нужна помощь...

На мою просьбу женщина реагирует крайне странно. Расширив глаза, словно перед ней не девушка в подвенечном платье, а черт с рогами на голове, истошно кричит, барабана по деревянной двери. На шум выбегают другие жители этой странной деревни. И вместо того чтобы спросить, что случилось, они надвигаются на меня, загоняя в круг. Я останавливаюсь, дыша тяжело, точно лошадь.

- Помогите... – шепчу, ни как не могу отдышаться. Верчу головой по сторонам. При абсолютной тишине толпа все ближе. Плотный круг сужается, заставляя и мое тело сжиматься от нехорошего предчувствия.

Выражения человеческих лиц, таких разных и самобытных, не сулят мне ничего хорошего. Они меня боятся. Причем очень сильно. Их эмоции, их чувства я ощущаю собственной кожей. Их взгляды, как кислота, выжигают верхний слой, заставляя мои инстинкты реветь сиреной.

А еще, судя по перекошенным лицам, эти люди люто ненавидят.

Меня? Или вообще всех женщин?

Да нет, среди толпы, то и дело, встречаются миловидные и даже красивые женщины и девушки.

Да что же это такое?

- Вы мне поможете? – неуверенно мямлю. Мой запал иссяк, сдулся, как воздушный шарик, под натиском недружелюбных людей.

Толпа вдруг расступается, выпуская вперед невысокого мужичка в обычной поношенной рубаше. Злые темные глаза смотрят строго. Испепеляюще.

- Ведьма! – резко бросает, тыкая в меня обезображенным кривым пальцем.

Что?

Делаю шаг назад, пытаюсь принять, что все это происходит на самом деле.

- Я... Вы не понимаете. Меня похитили.

Толпа взрывается. Гудит как улей. Шум поднимается такой, что я еле-еле различаю фразы, заставляющие каждый волосок на моем теле шевелиться.

- Та самая! Ведьма!

- Гоните ее!

- Она погубит всех нас.

- Она проклятая!

- Лучше придушить эту суку. Забить камнями, но спасти

свои души!

Я еще не теряю надежду что-то доказать, перекрикивая голоса.

- Неужели у вас нет полиции? Вы не понимаете. Меня похи... – мой громкий вскрик прерывает мою же фразу прямо на середине.

В меня бросили камень.

Камень! В меня!

От боли и неожиданности я складываюсь пополам.

Дальше еще хуже. Камни градом обрушиваются на мое бедное тело. Мне никак не удастся увернуться или избежать удара. Я кричу. Все тело горит огнем. По щеке стекает что-то липкое, горячее, застилает глаза, забиваясь в уши, нос. Во рту появляется металлический привкус.

Кровь. Я истекаю кровью.

- Бей ведьму... – неистовствует толпа.

Я пытаюсь хоть как-то укрыться. Закрывать связанными руками лицо, голову.

Но острые камни летят прямо в цель. Я уже не чувствую тела. Оно – сплошная рана. Ноги подкашиваются, слабеют.

Я падаю на колени.

Все. Это конец.

Обреченно стою, прижимая руки к груди. Прощаюсь с белым светом, оплакивая свою короткую и, как оказывается, никчемную жизнь.

Как вдруг в атмосфере что-то меняется.

Удары резко прекращаются.

- Дракон... – с суеверным трепетом кто-то вскрикивает.

Я, прилагая просто невероятные усилия, поднимаю голову к небу.

И правда дракон... выдает мой мозг, после чего отправляет в глубокий и долгожданный обморок. Где, славу богу, больше нет ни боли, ни драконов... ничего. Только темнота и тишина.

Герои.

Пока пишу продолжение, накидаю вам еще артов. Интересно какими вы ведите героев? Я замучилась искать визуалы. Особенно Раднора. Хочется такого найти, чтобы прям ВАУ!!!Еще в поисках, короче. Сегодня наши герои отправятся в очень интересное место. Олесе, конечно, будет сложно. Для нее потихоньку будет открываться мир этой книги. Но пока подержим ее в неведение. Интересно...как быстро она догадается, куда она попала.

Первая нежная ведьма...от которой голова у мужчин кругом.

Вторая старше...и матерей. Оливия скорее.

И конечно Раднор. Как вам? Хочется найти мужчину с таким взглядом как видит его Олеся...ищу...может повезет)

Глава 6

Что происходило в деревне и как он ее спас, будет чуть позже и от лица героя. А сейчас снова Олеся.

Прихожу в себя тяжело. Все тело болит. Ломит. Любое, даже минимальное движение приносит мучения. С трудом разлепляю заплывшие глаза. Помню, один из камней попал прямо в лицо.

Камень... дракон!

Дергаюсь всем телом.

Как я вообще могла забыться... потерять контроль над своим телом... Где я?

Что-то не дает мне пошевелиться.

Фокусирую взгляд, улучшая расплывчатую картинку.

Я сижу верхом на лошади, которая неспешной рысью движется вдоль какого-то поля. А мой похититель позади, крепко удерживает поводья и меня заодно. Его ноги при каждом шаге животного бесцеремонно трутся об мои бедра. И от этого становится только хуже.

Мне. Я снова в западне.

А он слишком близко.

Делаю вздох, собирая себя по кусочкам. Господи... от меня и правда остались одни ошметки. Если это сон... то пусть я поскорее проснусь... ну пожалуйста, молю кого-то там наверху. Того, кто уготовил для меня именно такое испытание.

Кто вообще все эти люди? У меня складывается стойкое ощущение, что все вокруг меня с кем-то путают.

Ну ладно один из них мог ошибиться. Каждый человек на земле имеет своего двойника. Я слышала об этом. Но чтобы сразу такое количество... да еще так явно, не боясь, что за самоуправство и похищение их могут посадить за решетку.

А чего им бояться? Меня могут и не найти... пропала без вести... да и кто будет искать? Денис? После всего что он сделал?

Внутри скапливается горечь. Подступает к горлу, растворяясь на языке.

Все, что со мной происходит, настолько абсурдно, что ну никак не укладывается в голове. Вот только боль от камней, пронизывающая, пульсирующая, огромный дракон да человек, называющий себя моим мужем, вполне реальны. Такое нельзя придумать или воссоздать.

Или можно?

Равнодушно осматриваю окрестность. Все тот же пейзаж. Никакого разнообразия. Опускаю взгляд на сильные руки, держащие тонкую, потертую его длинными пальцами кожаную лямку.

Кто вообще в наше время передвигается на лошади?

- Не дергайся, – его голос вибрирует прямо в затылок. От этого дергаюсь еще сильнее, стараюсь отстраниться от него как можно дальше. - Я сейчас тебя отпущу, и упадешь под копыта моей лошадки... давай. Никто не станет плакать по

такой, как ты.

Дергаться перестаю, чувствуя себя разбитой, выжатой как лимон. Даже не физические, обычные мыслительные процессы забрали последние силы.

Послушно сижу, чрезмерно вытягивая спину, напоминая себе гитарную струну. Но через какое-то время устаю настолько, что не выдерживаю и откидываюсь назад, на грудь мужчины, прикрывая от слабости глаза. Под стук копыт и сильные размеренные удары его сердца я засыпаю.

А когда просыпаюсь, снова впадаю в панику, совершенно не понимая, где нахожусь. Перед глазами темно. Нос щеко-чут ворсинки чего-то матерчатого. А судя по небольшой щели для глаз, моя голова, да и лицо практически полностью, чем-то покрыты.

Зачем?

Дышать через ткань трудно. Я жадно дышу, моргая часто-часто глазами.

- Успокойся. Я не хочу, чтобы тебя узнали...

Мотаю головой.

- Пожалуйста. Мне нечем дышать.

Вжимает в себя, прислоняясь ко мне всем телом.

- Посмотри, – требует.

Я растерянно оглядываюсь по сторонам.

И только сейчас обращаю внимание, что лес успел поменять свои очертания, сменяясь на городские реалии. Мы медленно, но верно въезжаем на широкую площадь, устав-

ленную плотными торговыми рядами. Отовсюду слышатся крики продавцов, рекламирующих свой товар. Мы движемся туда, где на двух высоких деревянных помостах возвышаются люди. Они размахивают руками. Кричат, призывая еще больше народу.

- Этот платок на твоём лице – единственное, что может защитить тебя. Не забывай, что именно произошло в деревне. Помнишь, как тебя встретили жители? А здесь с тобой церемониться никто не будет... и если бы не...

Его слова можно было бы считать бредом сумасшедшего. Но я на собственной шкуре прочувствовала всю ненависть, которую испытывали ко мне совершенно незнакомые люди.

- Раднор, – обрывает его едкий шепот чей-то окрик.

Испуганно оборачиваюсь. Мужчина натягивает поводья. Лошадь тормозит, гарцуя на месте. К нам спешит высокий темноволосый мужчина. В длинной на восточный манер накидке. И даже с чалмой на голове. Останавливается, ладонью поглаживая лошадь, успокаивая животное. Хитрый проныцательный взгляд незнакомца сначала останавливается на мне... и мне кажется, какая бы ни была на мне плотная ткань, он видит сквозь нее. Невольно морщится и обращается к моему похитителю, которого, как я понимаю, зовут... Раднор... Очень странное, необычное даже по моим современным и лояльным меркам, имя. И опять в мозгу свербит неприятное ощущение, что мне откуда-то знакомо это имя.

Но откуда?

- Это она? – незнакомец пренебрежительно кивает в мою сторону.

Раднор молчит, ну или тоже ограничивается кивком. Я не могу в таком положении видеть его лицо. Но, судя по напряженным пальцам и как побелели костяшки на фалангах, ему этот мужчина не нравится.

- Пошли. - зовет незнакомец. - Торги уже начались. Ты просил лучший товар. Мы его нашли. Будешь проверять?

- Обязательно, – лаконично бросает Раднор, спрыгивая с лошади на землю. Не могу пошевелиться. Оставшись без его поддержки, я мгновенно теряю равновесие. Заваливаюсь на бок.

Он ловит меня, снова хватая на руки. Его прикосновения причиняют боль. На коже, скорее всего, есть ссадины, синяки... переломы. Морщусь, стиснув зубы от боли.

- Проклятье. Ее нужно накормить и напоить, – недовольство фонит в воздухе. Ему не нравится со мной возиться.

Ну так отпустил бы, черт тебя побери!!!

При упоминании еды и воды к горлу подкатывает тошнота. Голодная... от которой сводит внутренности, а стенки желудка начинают жалобно сокращаться.

- Я распоряжусь. Неси ее в палатку для гостей. Только не развязывай ей руки. А то вдруг что удумает...

- Сам знаю, – огрызается рыжеволосый мужчина.

Голова идет кругом.

Меня и правда заносят в небольшое укрытие, затянутое

светонепроницаемой тканью. Без окон и дверей здесь душно и пахнет невыносимо приторно.

Благовония?

Усаживают на мягкий стул, грубо поправляя платок на моем лице.

И снова дышать нечем. Воздух лезет сбитый, горячий. Язык мгновенно прилипает к небу. Пить хочется страшно.

Раднор наклоняется и предостерегающе шепчет, практически касаясь губами мочка уха.

- Помни о последствиях, Оливия... За пределами палатки стоит моя охрана. Если вздумаешь бежать или колдовать, я отдал приказ с тобой не церемониться.

Хочу возразить... колдовать? Но, вспомнив летающее бревно, осекаюсь, моргая часто-часто...

Я вообще где?

Меня как в бочку с ледяной водой окунули.

Почему он так легко говорит о колдовстве, словно сталкивается с ним каждый раз. Почему я Оливия?

Кто такая Оливия?

Мамочки. Я только сейчас поняла, что несмотря на странности в поведении, одежду и обстановку... мы все говорим на одном языке. На русском? Английском? Нет... точно не на английском. Я не напрягаюсь, когда слышу речь.

Оливия... – шепчу, пока слежу, как оба мужчины поворачиваются ко мне спиной и уходят, наглухо закрывая полог палатки.

Что-то такое знакомое крутится на языке... Графиня смерти... Что?

Резко вскакиваю... и снова сажусь.

Не может быть!

Оливия была в книге, которую я читала перед тем, как очнуться. Оливия, та самая, которую я ненавидела всеми фибрами души, переживая за судьбы любимых романых героев.

Глава 7

Дорогие мои, глава немного информативная...потерпим. Приключения и море страсти ждут вас впереди.

Графиня смерти. Это я ее так обозвала, негодуя от страшных и порой ужасающих поступков еще довольно молодой особы.

В книге ее именовали не иначе как ведьмой или графией. Оливией называли всего несколько раз и то только те, кто был равнодушен к ней. Да, такие тоже существовали. Сама же женщина не умела любить. Любая симпатия, проявленная к ней, неизменно оборачивалась трагедией для тех, кто покупался на ее красоту.

Неужели я на нее похожа?

Описание ее внешности как-то прошло мимо меня. И если честно, от того ужаса, что творила главная злодейка любимого романа, мне меньше всего хотелось ее представлять. А если бы и представила, то только страшной, уродливой, такой, какой была ее черная душа, не иначе. Как я переживала за главных героев, которым графиня придумывала все новые и новые испытания. И каждый раз, когда доходила до очередного поворота в сюжете, где ведьме удавалось выйти сухой из воды, я негодовала.

Как можно было вообще придумать такого антагониста?

Автор, кто бы он ни был, очень постарался сделать ее максимально отрицательным персонажем. Все плохое, что есть в характере человека, все было собрано в ней. Завистливая, жестокая. Обладающая черной, всепоглощающей магией. Она не гнушалась довести до гибели ребенка... избить до полусмерти беременную служанку. А как изощренно ведьма использовала яды и магию, насылая порчи и проклятия.

Но при всем этом никакой психологической подоплеки, никакой внутренней драмы.

Только всепоглощающий эгоизм и все.

Я так хочу! – ее любимая фраза. – А значит, сделаю все, чтобы это, неважно что, принадлежало мне всецело.

А хотела она ни много ни мало извести главную героиню – Анну. Отобрать ее силу. Ну и, конечно, не дать истинной паре соединиться.

Она грезилла заполучить Вэргилия, возлюбленного Анны. Временами казалось, что идея фикс поглотила ее настолько, что она просто сошла с ума в погоне за чужим счастьем. Ведьма и правда жила лишь ради одного момента, чтобы в конце быть поверженной. Окончательно и бесповоротно.

В самом финале ее ждал суд.

Никто не переживал за нее, не вступался. И если бы графине вынесли смертный приговор, я честно думала, что она получит по полной, то искренне бы радовалась, что их книжный мир наконец избавится от злодейки и герои заживут счастливо.

Увы, автор лишь вскользь упоминал про суд, уделяя внимание главным героям.

Я так и не узнала, что с ней произошло дальше.

Но, честно, на тот момент мне было это и неважно. Главное, что Анна и Вэргилий обрели друг друга, сыграли пышную свадьбу, а их младенец вполне себе мирно развивался в утробе матери, чтобы в будущем, после рождения, стать самым сильным королем, драконом, которого этот мир ждал тысячу лет.

Останавливая свои воспоминания, я прекрасно понимаю, что все мои умозаключения – полный абсурд.

Как такое возможно?

Правильно! Невозможно. Невозможно просто по всем законам природы попасть в книгу.

А если эту историю кто-то написал из вполне реального параллельного мира?

И отправил меня как ее двойника. Именно в тот момент, когда для героев все закончилось, а для самой ведьмы нет.

Нет... бред...

Ну а как тогда логично объяснить все, что со мной происходит: людей в странной одежде, дракона, магию... и Раднора.

От шока открываю рот.

Если идти по сюжету, то он...

Мотаю головой... он... У всего королевства, в котором описывались события, его имя вызывало ужас и восхищение

одновременно.

Искусный воин, стратег, который не дотягивал до главного героя, только потому что был... точно... был работорговцем!

Он всего два раза появлялся в сюжете. Один раз, когда к нему попала Анна и была чуть не продана в рабство. Им же. Но он передумал. Ему самому очень приглянулась честная, добрая и отважная героиня. После нескольких неудачных попыток присвоить ее себе он отпустил ее.

Я так радовалась, что Анна не подвела. Не предала любовь, устояла, хотя воин и красивый мужчина предлагал многое.

Во второй раз он принимал участие уже в борьбе с Оливией.

Финальное сражение. Эпическое. Масштабное. Леденящее кровь.

Ведьма, накопив достаточно сил, заручившись поддержкой у враждующего государства, окружила их город. Вместе с огромным войском она неделю держала осаду, пока главным героям не удалось ее победить. Раднор был в числе первых, кто поймал ее, обезвредил, посадил в кандалы.

Он собственноручно отправил ее в казематы и, не дожидаясь суда, уехал восвояси. Все... на этом мои познания в развитии дальнейших событий закончились.

Как я думала, закончились, но, видимо, не для меня.

Что же произошло? Почему я нахожусь здесь, на месте

злодейки, и почему жестокий работоторговец, искусный воин, влюбленный в главную героиню, является моим, ну то есть Оливии, мужем? Зачем я, она, ему нужна? Почему именно меня затащили в этот бумажный мир, который ощущается вполне реальным, настоящим. Какую цель преследует тот, кто решил написать продолжение, где теперь главной героиней являюсь я.

Глава 8

Вопросы бурлят в голове, давят. Отчего кажется, что мозг сейчас взорвется.

Тупая боль во всем теле и без того выматывает, еще и голова идет кругом.

Закрываю глаза, слезящиеся от дыма. Его становится все больше.

Потираю через плотную ткань пульсирующие виски.

Вопросов сотня, а вот ответов ни одного.

Даже спросить не у кого.

Спина затекла от напряжения.

Я очень устала.

Сколько еще смогу продержаться в таком состоянии, с такими людьми, которым я как кость в горле.

Что же делать?

Если мои предположения верны и я действительно и есть Оливия, то со мной никто не будет разговаривать.

Тем более если начну говорить, что я не она.

Мне никто не поверит.

Никто.

Сердце в груди с силой бьется.

И меня вдруг озаряет.

Я это я?

Или только мое сознание находится в этом теле.

Проклятье!

Здесь и зеркала нет, чтобы посмотреть на себя. Но судя по платью... я одета в то же самое, что и в загсе.

Это мое платье.

Сама выбирала.

Да и тело ощущается собственным, а не чужим.

Что мне делать? Как выжить там, где для всех я чудовище.

Отвернувшись в сторону, уходя в свои мысли, я не сразу обнаруживаю, что в палатке не одна.

Вжимаюсь в скамейку, стараясь не привлекать к себе внимание.

Поздно.

Меня заметили.

Заметила...

Подрагивающими пальцами натягиваю платок на глаза. Слова Раднора слишком отчётливо звучат в ушах. Никто не должен догадаться, кто я. Иначе мне несдобровать.

- Кто такая? – спрашивает прямо с порога высокая женщина со светлой копной вьющихся волос, ниспадающих, кажется, до самой талии.

Несмотря на мужскую одежду, свободные брюки, заправленные в высокие черные сапоги, и белоснежную рубашку, выглядит незнакомка очень женственно. Такой наряд не делает ее образ грубым. Наоборот, восхитительно подчеркивает изгибы и формы...

Мы разглядываем друг друга как на дуэли. Ясно, что ей

не видно моего лица. Но она точно подмечает и мое рваное, испачканное дорогой платье, и ссадины на руках и ногах.

Не нравится ей лишь то, что лица моего не видно. Нервно дергаюсь, когда женщина сужает свои голубые глаза и резко требует.

- Встань...

Голос у нее как сталь, звенит, ударяясь о матерчатые стены. Такая женщина привыкла отдавать приказы и не привыкла принимать отказы.

Но я не могу даже пошевелиться, потому лишь делаю один отрицательный кивок, мечтая раствориться здесь и сейчас. Исчезнуть, лишь бы избавиться от ее заинтересованного взгляда.

В два широких, по-мужски размашистых шага она стремительно подходит, пугая меня до икоты.

Тело колотит. Сотрясает. Я не могу сопротивляться. Не могу возразить. Да я в своем положении могу лишь молчать и надеяться, что меня на этот раз не примут за Оливию.

Женщина же не терпит неподчинения. Хватает платок и тянет, намереваясь открыть мое лицо. Я как могу сопротивляюсь. Нахожу откуда-то силы и тяну на себя.

Но женщина быстрым и сильным движением вырывает платок из моих пальцев. Ногти скользят по гладкой ткани, которая утекает как песок.

Застываю, не в силах поднять лицо. Страх гонит укрыться, спрятаться.

Но куда?

Моя беспомощность раздражает и злит одновременно.

Чувствую, как пальцы женщины медленно, но ощутимо обхватывают мой подбородок, вынуждая посмотреть на нее.

- Интересно, кто тебя здесь прячет? – спрашивает задумчиво и дергает меня другой рукой за плечо.

- Пошли.

Как пошли? Она меня не узнала?

Облегчение заполняет разум, разливается теплом, возрождая надежду.

У меня появился шанс? Шанс вырваться из плена Раднора и возможность найти способ вернуться домой.

Послушно передвигаю ногами, хотя и двигаюсь с трудом. Женщина не проявляет ко мне ни капли сострадания и тащит к выходу. Я только и успеваю схватить свой злосчастный шарфик, впопыхах натягивая его на лицо.

- Не велено, – останавливает нас грубый, низкий голос.

Охрана.

Жмусь к женщине, цепляясь за ее локоть как за спасательный круг.

Не пропустят?

- Ты с кем разговариваешь? – повелительным тоном спрашивает моя спасительница. – Ты забыл, кто я?

- Но Раднор... – тушется тот охранник, что перегородил нам путь. Его суровое лицо вытягивается. Глаза начинают бегать.

Кто же эта женщина, что совсем не боится так разговаривать с мужчинами?

- С Раднором я сама разберусь, – говорит тише и снова заводится, сверкая на растерявшихся мужчин глазами. – Все. Пошли прочь с дороги. Эту я уволю.

Двое мужчин делают шаг в сторону, хмуро провожая нас взглядами. Я украдкой смотрю по сторонам, запоминая все, что попадает на глаза.

Куда ни глянь, везде много народу. Все бегут, спешат, задевая нас плечами.

Мне это только на руку. Легко будет затеряться.

Сейчас...

Отпускаю локоть женщины...

- Куда, – хватает за кисть. – Даже не вздумай, – предупреждает не глядя, продолжая целеустремленно идти, расталкивая всех, кто встречается на ее пути.

Дергаю рукой. Но она держит мою руку так, словно палку. Не вырваться.

Сердце сжимается от плохого предчувствия.

Мы останавливаемся напротив неприметных ворот. Стукнув кулаком по деревянной калитке, заходит, затаскивает меня в небольшой двор и грубо тащит к одноэтажному дому.

Ноги заплетаются. Я спотыкаюсь, шлепая босиком по застеленному соломой полу. В ступни впивается мелкий мусор.

Внутри пусто.

Серые каменные без всякой облицовки стены окрашивают лучи предзакатного солнца. Красиво.

Но вот атмосфера здесь просто невыносимая. Я кожей чувствую, как на мои плечи ложится что-то нехорошее. Воздух сгущается. Тяжелеет. Вытягивая из меня последние крохи света и радости. Волнами накатывает отчаяние. Дергаюсь всем телом. Торможу, становясь на пятки.

- Стой. И не шуми, – бросает мне женщина. С нее будто сползает маска, и нет больше того очарования, что я испытывала раньше, глядя на нее. Только злость, ярость и ненависть...

Холодею. Она узнала меня... узнала...

Как в замедленной съемке слежу, как она подзывает к себе худощавого мужчину.

- Что госпожа прикажет делать?

Резко оборачивается, хватая меня за плечи.

- Ты помнишь меня... знаю, что помнишь.

Взмах рукой, и щека горит от пощечины. Глаза женщины лихорадочно горят, а каждое слово кислотой ложится на сердце, разъедая без остатка.

- Знаешь, как я грезил нашей встречей. Как мечтала увидеть тебя такой, избитой, поверженной... жалкой. Но мне этого мало, – пожимает плечами. – Представляешь, – трясет. Я тряпичной куклой бултыхаюсь в ее руках. – Я мечтала, чтобы ты мучилась. Долго. Очень долго. И боги услышали мои молитвы и привели тебя ко мне.

- Раздеть ее, – говорит холодно, повергая меня в пучину ужаса.

- Нет! – Мой крик утопает в стенах... я брыкаюсь, извиваюсь, надеясь избавиться от рук, срывающих с меня платье.

Кожу обжигает холод. Я полностью обнажена. Руки распяты. Мне не дают даже укрыться.

- Подготовить к торгам. Вести через черный ход. Надеюсь, я успею ее продать до того, как пропажу обнаружит Раднор.

Моя любовь к вам!!!

Дорогие мои. Следующая глава выйдет завтра, а пока ловите промики...

Кто первый, тот и в дамках.

Перевоспитать истинного, или Заноза в сердце Дракона

-i-GbamG

rv1N-OiR

Потерянная душа для Красного Дракона

KJXKZ875

e3uN0tTf

Академия Хищников, или Ведьма для Лютого

Umg7h4nD

l9ytKOoa

(He) пара для генерала драконов

YDxlGlgJ

-tfyA1fx

А кто не успел, у меня для вас хорошая новость, на все мои четыре истории завтра будут скидки % % % % %.

Ну и если вам нравится такой формат моей любви к вам, порадуйте и меня комментариями, сердечками,

подпиской на автора.

**Я с удовольствием еще сделаю дарение промиков,
и возьму в привычку радовать вас....**

Глава 9

Каждый шаг дается с трудом. Но это мало волнует моих надзирателей, что толкают меня в спину, подгоняя передвигать ноги чуть быстрее.

Узкий каменный проход, по которому мы идем, до отказа забит местными обитателями. Женщинами. Мужчинами.

Теперь и сомнений нет, что это другой мир.

У нас давно нет рабства и такой удручающей нищеты, которая фонит, заражает своей безнадежностью, погружая меня в еще больший ужас.

Видно, что эти люди обделены самым необходимым и вынуждены жить в нечеловеческих условиях.

В нос ударяет тошнотворный, удушающий запах мочи и других отходов жизнедеятельности. Несколько раз на глаза попадают жирные крысы, без страха снующие туда-сюда.

А вот сами местные жители мало чем напоминают обычных людей. Грязные лица, обветшала, больше напоминающая лохмотья, одежда. Болезненная худоба и пустые безжизненные глаза.

Меня всю передергивает от страха и омерзения.

Лучше смерть, чем такая жизнь.

Моих обнаженных ног касаются чьи-то пальцы. Я дергаюсь из стороны в сторону, стараясь избежать прикосновений. Но людей слишком много. Кто-то сидит прямо на холод-

ной земле, кто-то что-то готовит, окуривая и без того душевное пространство черным едким дымом.

В горле першит. Глаза слезятся. Но я иду, прикрывая свою абсолютную наготу волосами, и стараюсь как можно меньше обращать внимание на то, как меняются взгляды, когда к ним приходит осознание, кого ведут мимо них.

То, что они знают, кто такая Оливия, становится понятно сразу.

Люди застывают, мгновенно бросая свои рутинные дела, и идут вслед за нами, крича в спину жестокие слова, ранящие сильнее любого камня, впивающегося в мои бедные ступни.

Мое тело горит, а душа обращается в пепел.

Мне больно. Не физически. Я умираю морально, окончательно теряя себя от сальных, пропитанных ненавистью взглядов.

Женщина, та самая, что обманным путем заманила меня в ловушку, идет чуть позади, покрикивая на следующих за нами людей.

Они пугаются ее выкриков и наконец отстают, когда мы выходим на небольшое открытое пространство, куда тонкой вереницей сгоняют как скот таких же несчастных, как и я.

Рабы. Вот кто все эти люди.

В романе подробно описывается политическая обстановка этого мира. Цена человеческой жизни и без того слишком мала, чтобы отдавать ее бесплатно. Вот и наживаются те, кто сильнее и богаче. На бесконечных войнах и распрях. Любой

может оказаться на невольничьем рынке, и превратиться в раба, обогащая работоторговцев.

Вот кто настоящие хозяева этого мира. Не короли, не феодалы, владеющие огромными землями, а они...

Меня затаскивают на шатающийся под ногами деревянный помост. Яркое солнце бьет в лицо. Я щурюсь, задыхаясь от ужаса. Кожа покрывается испариной.

Сколько народу, и каждый норовит на меня посмотреть. В глазах потенциальных хозяев горит алчный огонь.

Неужели все это происходит со мной и никто не может помочь мне?

Глава 10

Женщина не торопясь поднимается вслед за мной, прижимая к своей ладони хлыст. От вида длинного, как змея, шнура, искусно переливающегося в ее руках, в груди холодеет. Она наверняка знает, как пользоваться этим оружием, и, судя по сверкающим от предвкушения глазам, с удовольствием продемонстрирует свои умения на мне.

Сколько народу.

Ежусь, ощущая, как кожа дымитесь от чужих взглядов. Дергаюсь и не выдерживаю, закрывая грудь и нижнюю часть тела.

Хочу укрыться, спрятать...

Но и здесь меня жёстко осаждают. Я получаю неувловимый хлесткий удар по пальцам.

Кожу обжигает боль. Послушно убираю руки, низко опуская голову.

- Стой ровно, ведьма... пусть все видят, КОГО мы сегодня продаем, – не церемонясь, поднимает основанием хлыста мой подбородок и вынуждает смотреть прямо.

- Пожалуйста, – зачем-то молю, хотя, кажется, проще разжалобить камень.

- Заткнись, – яростно шипит женщина, а у меня в голове бьется единственная мысль: чем эту женщину так обидела Оливия. Почему в мягких красивых чертах столько ненави-

сти, злости... черной, всепоглощающей?

Отвожу взгляд. Не могу смотреть ей в лицо.

Сердце кровоточит, нарывает от противоречивых чувств. С одной стороны, мне жалко ее... да, я глупая, жалею свою пленительницу, которой не повезло пересечься с такой, как Оливия... а с другой – мне безумно страшно за себя. Теперь она ни за что не остановится. Пока не совершит, что задумала.

Толпа подозрительно молчит. Угнетает давящим со всех сторон безмолвием.

Когда кажется, что я вдруг оглохла от ужаса. И если бы не мое свистящее дыхание, точно подумала бы, что перестала слышать.

Такое количество глаз! Беспощадно одинаковых глаз!

Содрогаюсь всем телом.

Напряжение искрится в воздухе, достигая апогея.

- Сколько хочешь за ведьму? – раздается в толпе разрывающий тишину мужской голос. Судорожно ищу его обладателя. Голос принадлежит здоровенному мужчине с широкими плечами и черными смолянистыми волосами. В глазах полыхает тьма. Ни грамма тепла или хотя бы похоти... нет.

Только расчет.

Он, ухмыляясь, приценивается ко мне как к племенной лошади. Зная точно, что не прогадает. Я не удивлюсь, если ему вздумается заглянуть ко мне в рот, оценивая зубы.

- Сто ринов (золотая денежная валюта. – Прим. автора),

– равнодушно обводя взглядом присутствующих, сообщает женщина, пожимая покатыми плечами.

По толпе волнами перекатывается удивление. Я настороженно верчу головой, вглядываясь в растерянные лица.

Это много или очень мало?

- Даю двести, – громко отвечает все тот же мужчина, не стесняясь рассматривая меня с ног до головы.

Дергаю плечом, сгоняя с себя его внимание.

От моего движения волосы веером падают на грудь.

Хоть какая-то преграда.

Колени подрагивают. Я еле стою на ногах, до последнего отказываясь верить, что все это происходит со мной.

- Четыреста, – раздается низкий, грудной окрик. С другого, противоположного, края площадки. Как в умелых руках кукловода все мы – и я, и толпа – поворачиваем головы в сторону еще одного мужчины, скалой возвышающегося над всеми.

Господи. Викинг. Огромный. С топором в руках.

Я сглатываю тугую слюну, расширяя от ужаса глаза.

Женщина победоносно усмехается, постукивая по ладони тонкой рукоядкой хлыста.

- Вы знаете, кто она такая, – победоносно сообщает женщина.

Тишина обрывается. Толпа, как огромный змеиный клубок, шипит, переговариваясь друг с другом.

- Только представьте, как сладко будет ее ломать. Убивать.

Зная, что участь, приготовленная для такой, как она, слишком мала, чтобы сполна искупить свою вину. С ней можно делать все что угодно. Все! Поставьте на ней свое клеймо и воплотите свои фантазии.

Никогда подобного ужаса не ощущала. Он как голодная собака вгрызается сначала в ноги. Я делаю шаг в сторону. Осекаюсь и застываю, не в силах пошевелиться. Ужас заглатывает меня. Лижет, омертвляя мое сердце.

Трескучий свист хлыста и жгучая, точно доходящая до основания позвоночника боль на спине отрезвляет мой разум.

Я, не удержавшись на ногах, падаю на колени. Перед глазами танцуют мошки. Дышу как рыба, выброшенная на берег, постанывая от боли.

Но кажется, что мои страдания только подначивают толпу. Я слышу ликование и подбадривающие выкрики.

Сжимаю кулаки, давясь от слез.

Я не выдержу. Сдохну здесь. Сгину. Как же я хочу домой.

- Восемьсот, – вступает в игру очередной мужчина. Беловолосый.

Играют трое, перебивая суммы друг друга.

Цифры, как и нули, молниеносно растут. Я только и могу, что тяжело дышать и ждать, когда все это наконец закончится.

- Шестьсот тысяч... – кричит все тот же беловолосый, повергая всех присутствующих в настоящий шок, смешанный с экстазом.

Толпа беснуется, кричит, разрывая мои барабанные перепонки. В голове нарастает болезненный гул.

Все... финал.

Судя по недовольным лицам остальных, этот человек с ними, ледяными глазами победил.

- Что же, – потирает ладони женщина, после того как она закрепляет хлыст на своем поясе.

- Я бы и вилы (медяк) не дала за эту тварь. Но вам лучше знать, сколько стоит шкура ведьмы. Дорого. Дорого... Слишком, – подходит ко мне, хватая меня за волосы. Я так и сижу на коленях. И больше не пытаюсь сопротивляться.

Слезы застилают глаза, обжигают скулы, шею...

Губы женщины касаются ушной раковины.

- Помнишь, за сколько ты продала тому уроду мою дочь? Качаю головой.

Поворачивается ко мне так, чтобы я видела ее лицо. Ее глаза... отшатываюсь назад, читая в них горе матери, потерявшей своего ребенка.

Боже... Оливия, как ты могла?

- Бесплатно. За так, – бьет наотмашь словами. – Как плату за ночь, в которую он тебя от души трахал.

Женщина с невероятной силой сжимает мои волосы, натягивая до агонии кожу. Еще чуть-чуть, и мой скальп останется в ее скрученных от ненависти пальцах.

- Ты просто отдала ему мою дочь за оргазмы, которые ты, тварь, испытывала под ним. Чтобы он, это твои слова, не ску-

чал в одиночестве. И вспоминал тебя, когда будет издеваться над ней.

Дергаюсь от ее слов... умираю душой.

И не оправдаться. Не отмыться. Она имеет право видеть во мне убийцу своей дочери. И я не в силах переубедить ее.

Закрываю глаза.

- Прости меня, – шепчу, наполняясь вся тягучей горечью.

- Прости? Моя дочь тоже просила простить ее? Сжалиться над ней? И я валялась в твоих ногах. Помнишь, что ты мне ответила? Нет... Ты сказала, что я заслужила такой участи... и моя никчемная дочь тоже... заслужила. Так вот ты, – женщина отталкивает меня, выпрямляя спину, – ты тоже все это заслужила... Забирайте ее.

Не могу слышать ее голос. Не могу, затыкаю уши, наблюдая, как тот самый мужчина, что купил меня, поднимается на помост, бросая под ноги женщины увесистый мешок.

Качаю головой, отползаю к самому краю. Меня дергают, ставя на ноги. Я упираюсь, кричу.

- Нет! Пожалуйста! Оставьте меня в покое!

- Вам придется отпустить ее, – раздается оглушающе в толпе.

Раднор?

Боже.

Он нашел меня. Еще никогда я не чувствовала такого облегчения.

- Не смей, – срывается на крик женщина, преграждая ему

проход. — Поздно. Она теперь рабыня.

Раднор неспешно идет к помосту, распахивая всех локтями. И смотрит мне прямо в глаза, да так, словно я не достойна того, что он собирается сделать. Словно он не хочет... но и по-другому не может.

- Это для всех вас поздно... — говорит сдавленно, поднимаясь по крутым ступенькам. —

И для меня тоже, — поясняет. — Она не может быть чьей-то рабыней. Потому что как только она попала в мои руки, у меня появилось это... — он медленно закатывает рукав, оголяя бицепс.

На загорелой коже сияет небольшая золотистая татуировка в виде головы дракона, которая кусает свой хвост. Я вижу все завитки, переливы. По моей лопаткой, на коже, ощутимо проносится огненный вихрь.

Ай! Почему так больно?

Сжимаю губы, продолжая смотреть на татуировку Раднора. И боль на спине отпускает, перекатываясь теплыми волнами.

- Не может быть. Не может... — раздосадованно кричит женщина, в одно движение доставая длинный нож.

- Значит придется убить вас обоих. Чтобы утолить свою жажду мести и освободить тебя, мой друг, чтобы ты сам не мучился... став суженым этой ведьмы. Взять их!

Дальнейшие события разворачиваются чересчур стремительно. И слишком неожиданно для меня, чтобы реагиро-

вать на происходящее адекватно. Я кричу, вою, когда чьи-то руки хватают, тащат, держа возле моей шеи холодную, обжигающую сталь клинка.

- Только попробуй дернуться, тварь, – шипит в ухо все та же разъяренная женщина, отчего по моему телу разливаются волны животного страха.

Неужели это конец?

Ищу глазами Раднора.

Только он может что-то изменить.

Мужчина возвышается в центре помоста. Спокойный. Непробиваемый. И я, несмотря на свое критическое, безвыходное положение, замираю от внутреннего восторга, поражаясь его выдержке.

Пальцы мужчины не торопясь расстегивают рубашку. Пуговку за пуговкой.

Каждое движение кричит о его силе, даря мне призрачную, но все же надежду на спасение. Что он задумал?

Боюсь пошевелиться. Лезвие впивается в тонкую кожу, причиняя легкую боль. Но уверена, стоит женщине надавить, нож с легкостью войдет в горло.

Задыхаюсь от паники.

Вокруг разворачивается хаос.

Множество мужчин, вооруженные кто чем, берут нас в плотный круг.

Раднор устало, словно на его плечи давит непосильный груз, стягивает с себя рубашку, обнажая могучую грудь.

- Ты безумец, если думаешь, что сможешь противостоять моим людям. Посмотри, сколько нас... – отчаянно кричит женщина. Ее эмоции передаются и мне. Мне самой становится страшно от его темной, безысходной решимости. – Лучше прими свою участь. Я не хочу устраивать бойню.

- И я не хочу, – спокойно отвечает Раднор, стягивая с себя брюки. Никакого нижнего белья на нем нет. Мужское безупречное тело блестит под лучами солнца. Мышцы перекачиваются под бронзовой кожей, поражая воображение своей мощью.

Какой же он.

Зеленые глаза полыхают золотом.

- Что ты творишь? – не сдается женщина. – Не стойте истуканами, – кричит она после своим людям, выводя их из ступора. – Труссы. Возьмите его.

Мужчины в окружении недоуменно переглядываются. Несмело переступают с ноги на ногу.

- Я сказала взять его, – с силой рывкает. Толпа мужчин оживает. Как ядовитые змеи, стекаются к центру, где Раднор, не дожидаясь столкновения с противником, подпрыгивает высоко, красиво, словно паря в воздухе. И замирает, покрываясь с головы до ног золотистой пылью. От такого невиданного зрелища меня всю трясет. И женщину за моей спиной тоже. Ее рука, держащая нож, с силой вжимается в мою шею.

Золотой кокон в небе становится все шире. Золотые пес-

чинки застилают глаза, разукрашивая мой мир позолотой.

Все тело сжимается в тот самый момент, когда кокон взрывается, разлетаясь на солнечные блестки. А на месте Раднора появляется дракон.

Тот самый, что я видела еще в той деревне

Открываю рот от ошеломительного узнавания. Он дракон? Раднор? Все сразу встает на свои места. Значит это он тогда вмешался и не дал забить меня камнями!

Люди в замешательстве столбенеют. Но ненадолго. Начинается настоящая паника. В огромное драконье тело летит бесчисленное количество стрел.

Я дергаюсь. И наплевать, что лезвие впивается в кожу. По шее обжигающей струйкой стекает моя собственная кровь.

Нет! Хочется кричать. Но стрелы отлетают от плотной сверкающей чешуи, не причиняя дракону никакого вреда.

- Ты... – хватает меня за волосы женщина, – умрешь, но не достанешься ему.

Взмах рукой, и мою плоть пронзает жгучая боль. Она ударила меня в левый бок под ребра. Задыхаюсь. Корчусь, прижимая ладонь к ране. Через пальцы просачивается теплая кровь, тяжелыми каплями падая на деревянный пол.

- Раднор, – зачем-то зову его. Тихо. Почти шепотом. Колени слабеют. Перед глазами плывет.

Вижу, как огромные крылья дракона с легкостью разгоняют толпу.

Мы остаемся с драконом один на один.

Ну же! Добей меня! Мне так больно. Невыносимо.

Стискиваю зубы, борясь с подкатывающей к горлу тошнотой.

Я все же падаю. На колени. Мое тело что-то сильно дергается. Боль застилает глаза. Земля начинает отдаляться от меня. Я чувствую себя словно в невесомости.

В небе...

Глава 11

Порывы ветра треплут тело... обдувая колючей прохладой.

Мое обнаженное тело быстро остывает. Покрываюсь ледяными мурашками.

Прикрываю глаза. С головой ухожу в свою боль.

Прихожу в себя только тогда, когда ощущаю, как когти дракона сменяются горячими мужскими руками. Меня снова куда-то несут.

- Исцели себя... – сквозь зубы цедит мужчина.

С трудом разлепляю глаза.

- Как?

Мужчина не отвечает. Лишь хмуро всматривается в мое лицо, продолжая нести меня дальше. Словно через толщу воды, слышу шум и чей-то крик.

Где мы?

- Раднор. Кто это? Почему она в крови?

Найдя в себе силы, поворачиваю голову в сторону.

Небольшое поселение. Добротные одноэтажные лачужки, напоминающие современные бунгало. Солома на крышах и обшитые циновкой стены.

Жители при виде нас останавливаются, бросая свои дела. Дети, мужчины и женщины. Все.

- Принесите в мой дом воду и тряпки, – требует Раднор

твердо.

- Но, – кто-то возражает, но быстро осекается, не вступая в бессмысленную перепалку.

Силу, что исходит от мужчины, в чьих руках я неожиданно ощущаю безопасность, чувствую не только я. Больше никто не рискует ему перечить. Молча исполняют приказ.

Морщусь от боли, когда он, не особо церемонясь, вносит меня внутрь одной из лачуг и кладет на устеленную шкурами широкую кровать.

- Прикройся, – бросает свой плащ, спешно вынимая из углубления в стене одежду для себя. И облачается в новые штаны и рубашку. – А еще лучше исцели себя. Тебе это не сложно. Не доставляй проблем.

Мне? Но как?

Натягиваю до подбородка пахнущую костром и мужским потом, толстую, подбитую мехом ткань и трясую головой.

- Я... я не знаю как.

Находясь где-то около входа, мужчина в одно мгновение сокращает между нами расстояние. Нависает надо мной. Я трясусь, стискивая края плаща пальцами.

- Кого ты из себя строишь, ведьма? Кого? Не понимаю только зачем.

Слезы, не знаю сколько у меня еще их в запасе, тяжелыми каплями стекают по щекам. Я искусываю губы в кровь, мотая головой в разные стороны.

- Я не понимаю, что мне делать.

- Проклятая ведьма, – срывается на тихий шепот и резко поднимается, кулаком ударяя по толстой, удерживающей крышу балке. Вся конструкция трещит.

Закрываю глаза и в измождении откидываюсь назад.

Все. Моим внутренним ресурсам приходит конец. Мне становится безразлично. Что я и где я... Умру – значит умру. Я устала бороться.

Вокруг меня что-то происходит.

Резкие слова Раднора и чей-то чужой шепот.

Мне все равно. Настолько, что я даже не дергаюсь, когда полы плаща приподнимаются, открывая на обозрение мое обнаженное израненное тело.

- Тихо лежи, – раздается над моей головой женский голос.

Открываю глаза. Возле меня расположилась пожилая с седыми, некогда золотистыми волосами и бесцветными, какими-то водянистыми глазами женщина. Ее острый взгляд критически рассматривает мою рану в боку. Пальцы слегка надавливают на края раны. Боль с новой силой пожирает мое тело. Я кричу, крутюсь как уж на сковородке.

- Тихо. Мне нужно промыть рану и наложить повязку.

Замираю, прислушиваясь к ее словам. Да. Она права. Но как мне пережить ее прикосновения, когда от боли я еле-еле держусь в сознании.

Что-то теплое обжигает кожу. Я всхлипываю.

Как же больно.

- Терпи.

Боль сковывает каждую частичку моего тела.

Чавкающие звуки и запах крови дурманят разум. Я впадаю в липкое, тягучее, бессознательное состояние.

- Раднор, – чей-то мелодичный голос вытаскивает меня на поверхность. На глаза словно камни положены. И тело ощущается ватным. Не моим.

- Лимира... – в голосе мужчины неожиданно столько тепла и трепета. Никогда бы не подумала, что он умеет так разговаривать.

- Эта правда? – голос говорящей срывается. В нем ощущаются слезы. Будто у незнакомки мир рушится.

- Да, – отвечает ровно и тяжело вздыхает.

- Но как же так? – девушка срывается на рыдания. – А как же мы? Я же люблю тебя.

- И я тебя люблю.

Люблю... сердце обрывается и летит в темноту. У него есть любимая женщина. Любимая... а тут я... жена.

За что?

- Но я не могу изменить волю богов. Она моя истинная, – надрывный всхлип.

- Лимира, родная, – его сдавленный шепот.

И я плачу вместе с ними, срываясь вниз в блаженную темноту, теряя наконец сознание.

Глава 12

Когда прихожу в себя, первым делом пытаюсь подняться, но изнеможенно падаю обратно, чувствуя, как кружится голова. Да и руки, ноги словно из ваты. Тело слушается плохо.

Сглатываю скупую слюну, силясь открыть глаза. Язык во рту распух.

- На, попей, – раздаётся рядом. Голос женщины, той, которая обрабатывала мне раны, звучит глухо, с неприятным, терзающим мою совесть упреком.

И теперь я понимаю почему. В голове колоколом звенят обрывки того самого разговора, Раднора и его любимой женщины, что я успела услышать перед тем, как потерять сознание.

Боже. Есть ли участь незавиднее, чем быть той, ради которой такой мужчина, как Раднор, должен изничтожить в себе любовь к другой?

Думаю, вряд ли.

Идеальное наказание. Для Оливии. Но не для меня. Я ни в чем не виновата.

На ощупь тянусь к жестяной таре. Делаю один глоток. Вкусная. Вода обжигает горло, стекает вниз... в желудок. Я ощущаю каждую каплю.

Мне становится легче. Настолько, что получается разлепить глаза.

- Впервые вижу ведьму, которая добровольно отказывается облегчить свои мучения.

Вскидываю на женщину взбудораженный взгляд. Они все твердят, что я могу колдовать. Оливия могла. А вот я... Не знаю как. Внутри себя ничего особенного не примечаю. Все как обычно. Только болит все невыносимо.

Злюсь на себя, что так и не смогла вспомнить чего-то нового из жизни Оливии. Подробности ее жизни проходят чуть ли не сквозь меня.

Да и драконы. Главные герои были обычными, да, королевских кровей, но людьми. Хотя помнится, где-то между строк говорилось, что драконы давно покинули этот мир. Это раньше они управляли государствами, следили за порядком. В междоусобицах держали нейтралитет. Пока все не полетело в бездну. Люди в своей жажде безграничной власти решили их свергнуть. Уничтожить, вынуждая драконов бежать.

В романе встречались оборотни, темные и светлые эльфы, но драконы... нет.

Хотя я могла и ошибаться. Мне кажется, я нет-нет да перелистывала скучные описания истории мира, полностью окунаясь в отношения между героями.

Жаль, что нельзя повернуть время вспять и все исправить. Теперь придется идти вслепую, не жалея собственной шкуры, но выжить, чего бы мне это ни стоило.

- Я не помню...

Женщина, все еще стоящая неподалеку, вскидывает бро-
ви.

- Что именно?

- Как это делается, не помню. Внутри что-то сломалось,
– придумываю на ходу, показывая на свою грудь. Мне нуж-
на легенда. Уверена, что в скором времени кто-нибудь обя-
зательно догадается, что я не совсем та Оливия. И что будет
после, даже гадать не приходится. От меня легче избавиться-
ся, чем разбираться в деталях. Поэтому твердо решаю делать
вид, что потеряла память. Частично. А остальное... Неужели
я и правда на нее похожа? Я имею в виду внешность.

- У вас есть зеркало?

Женщина приподнимает уголки своих тонких губ и без-
злобно усмехается. Но ничего не спрашивает, лишь медлен-
но поднимается и идет к сундуку, стоящему возле окна. Под-
нимает скрипящую крышку и достает зеркало, как в сказках,
овальное, в резной оправе, с длинной узорчатой ручкой.

- Не знаю, зачем тебе зеркало. Но вот... – сует мне в руки.
Я поднимаю к лицу, робея посмотреть в свое отражение. А
вдруг я уже не я... И только моя душа каким-то волшебным
образом оказалась в теле злодейки?

Женщина внимательно за мной наблюдает. Выжидающе
нависает. Тоже ждет.

Моей реакции?

Морщась от боли в боку, медленно приподнимаюсь.

Пусть смотрит. Ждать, когда она уйдет, терпения нет. Да

и мое только что придуманное алиби прекрасно подходит к данному случаю. Поднимаю зеркало, направляя на свое лицо.

Вздых радости вырывается из моей груди.

Это я!

Вот мои глаза, темные... почти черные. И точно мой испуганный взгляд. Спутанные, грязные волосы. Белоснежная, почти прозрачная кожа с россыпью темных, не таких, как у рыжих, но все же веснушек. Я, получается, и есть Оливия. Странная шутка...

- Я могу помыться? – зачем-то спрашиваю. Хотя почему зачем! Тело зудит от пыли и грязи.

- Пока нельзя, – качает головой женщина. – Рана в любой момент может открыться. Я оботру влажной тряпкой.

- Я сама, – твердо уверяю.

- Ну сама так сама, – безразлично поднимает плечи и движется к выходу.

Но замирает у порога и резко оборачивается. Так обычно поступают люди, когда что-то долго крутят у себя в голове, но в конце концов все-таки решают произнести это вслух.

- Он тебя никогда не полюбит... ведьма. Можешь не стараться.

Я вздрагиваю, понимая, что именно она имеет в виду. И нет смысла говорить, что мне его любовь ни к чему. Что мое сердце и без того разбито предательством Дениса. Что мое желание помыться обусловлено скорее привычкой. Да и про-

сто среди этого дурдома мне хочется почувствовать себя живой и чистой.

Женщина сужает в презрительную щель глаза, превращаясь в грозную фурию. По телу волнами пробегает страх. С ней нужно держать ухо востро. Не удивлюсь, если она окажется матерью или бабкой той девушки, что объяснялась с Раднором.

Закрываю глаза, опускаясь обратно на шкуры.

Нет и не будет у меня здесь ни союзников, ни тем более друзей. С такой, как Оливия, не дружат, а значит, придется самой думать, как сбежать из этого мира и найти способ вернуться домой.

Я правда поверила в то, что жизненные силы ко мне возвращаются.

Глупая.

Когда женщина, имени которой я до сих пор не знаю, приносит обычный глиняный кувшин с водой, обжигая недовольным взглядом, и пренебрежительно кладет рядом чистую ткань, я попробую подняться. Всего лишь подняться. Не говоря о том, чтобы намочить тряпку и оттереть кровавые, смешанные с грязью пятна на теле. Как планировала.

Куда там.

Голова моментально идет кругом. К горлу подкатывает тошнота. Я еле-еле удерживаю себя в сознании и устало, дрожа всем телом, возвращаюсь в положение лежа.

И так несколько раз подряд. Пока, окончательно не обессилив, не проваливаюсь в глубокий сон.

Просыпаюсь не сразу. Силой заставляю себя разлепить веки, чувствуя онемение во всем теле. И испуганно вздрагиваю, когда замечаю стоящего неподалеку Раднора.

Все тот же взгляд, до краев наполненный ненавистью. Смотрит открыто, нагло, не стесняясь быть застигнутым врасплох. А поза и положение тела, как и прежде, кричат о том, как сильно мужчина «рад» лицеизреть меня в своем доме.

Подбираю одну из шкур, служащую мне чем-то вроде одеяла. Натягиваю ее до подбородка.

Его присутствие рядом ощущается остро и слишком чувствительно.

Все тело покрывается холодным потом, стоит ему лишь сделать шаг в мою сторону.

Дергаюсь.

Даже при моем незавидном положении я не могу позволить себе молчать. Это слишком... слишком сложно для меня. Поэтому задаю единственный вопрос, что так и крутится на языке, прибавляя смелости.

- Что со мной будет дальше?

Мужчина приближается как хищник, занимая своим внушительным торсом практически все пространство в небольшой хижине. Я по привычке сжимаюсь, ощущая себя грязью под его ногтями или песчинкой, которая сгинет от любого

дуновения ветра.

Его огненные волосы горят под светом тусклых, зловеще дрожащих свечей, расставленных по углам.

Он словно с ног до головы окутан пламенем.

Расширяю в ужасе глаза, пораженная его мощью. Вжимаюсь спиной в шкуру, мечтая раствориться, исчезнуть.

- Ты останешься жива. Разве этого не достаточно?

От низкого грудного тембра замираю, точно кролик перед удавом. Но тут же ругаю себя за трусливость и за то, что совсем не чувствую рядом с ним безопасности.

В груди нарывает протест. Я знаю, что я не Оливия. И это понимание убивает последние крохи инстинкта самосохранения. Или того больше, умения держать язык за зубами, опасаясь наговорить лишнего.

- НЕ достаточно, – намеренно выделяю первое слово.

Он делает шаг ко мне. Я приподнимаюсь на локтях, в попытках отыскать опору для спины. Сердце бьется жаворонком в груди. Подбираю к подбородку колени.

Несмотря на едкий, осязаемый каждой клеточкой тела страх, я четко осознаю, что он... он не посмеет мне навредить. Или посмеет?

Меня знобит. Я будто стою на ветру. Кожу ранят невидимые иголки.

Это его взгляд темнеет, холодеет.

Мужчина в присущей ему манере низко наклоняется. В один уровень с моим лицом. И заглядывает в глаза, пытаюсь

что-то там отыскать. Теряюсь в догадках, что именно. Мою смелость, которая в данный момент скулит щенком, поджигая трусливо под себя хвост?

- Вы же не можете держать меня здесь как... как...

Обрывает на полуслове, пока я судорожно подбираю в голове подходящее слово.

- Как ведьму, на счету которой не одна сотня загубленных душ? – напоминает, кривя в злой усмешке красивые губы, и хватает меня за плечо.

Воздух в груди обрывается.

Шиплю как раненая кошка. Возле раны, в боку, разливается огнем боль.

- Ты здесь только потому, что сейчас, пока зверь еще не окреп, мне необходимо твое присутствие. Только лишь для него, – уточняет, сжимая плечо.

Я дергаюсь, пытаюсь ослабить его хватку.

- Есть способ ускорить слияние, но... – брезгливо отталкивает, точно я пахну скверно и ему крайне неприятно до меня дотрагиваться.

Наблюдаю, как он недовольно берет лежащую рядом тряпку и тщательно, палец за пальцем, не сводя с меня своих глаз, вытирает огромные ладони, погружая в свое презрение.

- Я даже и думать не могу, чтобы вступить с тобой в связь.

Что? Боже, нет. Пусть так остается и дальше. Пусть лучше ненавидит, презирает, но даже не думает меня касаться. Насилия я не переживу.

Задыхаюсь, лоя ртом разгоряченный воздух.

Он выпрямляется.

- Как только получится самостоятельно управлять драконом, ты останешься в этом доме. Одна... Навсегда. Пусть твое одиночество будет твоим наказанием.

Разворачивается и уходит, оставляя меня один на один с его словами.

Хватаюсь за бок. Ладонь липнет к повязке. Кровь... у меня снова открылась рана.

- Зачем встала, – раздаётся окрик зашедшей внутрь женщины. Ее лицо пренебрежительно искажается. – Если не можешь себя исцелить, так хоть лежи смирно.

Лежи... обессиленная разговором с Раднором заваливаюсь на шкуры. Я бы с удовольствием просто лежала. Но кто меня спрашивает...

Закрываю глаза, чувствуя, как проворные пальцы женщины меняют повязку. И спустя каких-то пару минут я проваливаюсь в тяжелый, местами терзающий меня кошмарами сон.

Глава 13

Рана заживает слишком долго, слишком энергозатратно. Обессиленная болью и обстоятельствами, я много сплю.

Женщина, которую мысленно обзываю надзирательницей, в моменты, когда она безжалостно срывает с меня окровавленную повязку, все так же ухаживает за мной.

Мы почти не разговариваем. Так, она иногда бросает короткие и только по делу фразы, которые словно хлещут меня по лицу. Поэтому и сама упрямо молчу, предпочитая не обращать на нее внимания. Пусть хоть исплюется ядом ненависти на меня. Все равно. Уже все равно.

Раднор больше не заходит. Это радует. В его присутствии я точно кожей ощущаю то незавидное положение, в которое по воле судьбы попала.

Сколько я здесь? Время теряет свое привычное назначение.

Крутится вокруг бытовой рутины, где мне меняют повязку и кормят... Вернее, заставляют есть. Пища буквально застревает в горле. Я с трудом глотаю небольшие куски каких-то овощей под злые комментарии надзирательницы. Так в бесконечно долгом лежании проходит несколько дней, пока я наконец не осознаю, что рана больше не тревожит меня как прежде. Есть небольшой дискомфорт. Но это ерунда по сравнению с тем, что именно я испытывала раньше.

А еще появилось ощущение, что вот теперь я точно смогу подняться.

Но делать это в чьем-либо присутствии совершенно не хочется. Злорадства и радости от моей неспособности больше видеть не желаю. Увольте.

Промучившись от бессонницы всю ночь, бесконечно размышляя над своей новой жизнью, я еле-еле дожидаясь утра. И уже после нетерпеливо вошкаяюсь под тонкой шкурою, наблюдая, как женщина выполняет свои привычные дела.

Ушла.

Приподнимаюсь на локти. Кожу на боку тянет. Я морщусь, но стойко терплю. Мне нужно как можно скорее наполнить свое тело силой. Дать мышцам восстановиться.

Прийти в норму, наконец, и придумать, как отсюда выбраться.

Ноги слушаются плохо. Тело будто ватой набито... но то, что у меня получается сначала встать на коленки и уже после подняться в полный рост, уже победа! Моя личная! Правда после я какое-то время прихожу в себя. Дышу, изнемогая от усталости.

Но следующая попытка сделать шаг в сторону увенчивается успехом. И я иду. Медленно, хватаясь за скучную мебель, ту же балку... за что угодно, лишь бы не упасть. Задавая единственной целью выйти на улицу. Мне так хочется вздохнуть полной грудью. Всего один глоток свежего воздуха, и не будет меня счастливее.

- Ты хочешь, чтобы жители Ларендола тебя покалечили? – вдребезги разбивает мои мечты женщина, перегородившая путь у самого порога.

Поджимаю губы.

- Но я же не могу сидеть здесь вечно.

Она бесцеремонно толкает меня обратно. Я шатаюсь в разные стороны.

- Можешь или не можешь, мне все равно, – говорит равнодушно, но я вижу, как на дне ее карих глаз разгорается настоящий огонь. – Но если хочешь жить, то я настоятельно советую и носу не казать на улицу. Там тебя, поверь, никто не встретит мирно.

И снова ее слова, ее тон и интонация хлещут как плетка. Бьют в самое уязвимое место в моем теле, в сердце.

И что, мне теперь всю оставшуюся жизнь сидеть здесь взаперти? Отбывать наказание за преступления, которые я не совершала?

Я не могу так. Не хочу. И твердо понимаю, что не буду. Пусть сейчас я ослаблена, как котенок... но силы медленно, но возвращаются. А значит, обязательно придет время, когда мне удастся придумать и воплотить в жизнь мечту покинуть это место. Потому что эти самые кандалы, предназначенные для Оливии, натирают мою кожу, перекрывают кислород, лишая самого главного – свободы. В неволе я быстро смирюсь и точно погибну. Такие мысли придают сил. А еще уверенности, что я смогу.

Ложусь обратно, не показывая свои истинные эмоции. Пусть женщина думает, что я смирилась со своей участью. Нет и еще раз нет. Закрываю глаза и жду... когда за окном наступит ночь.

Последние лучи уходящего солнца я встречаю привычно, все в той же постели, в тот самый момент, когда женщина, хмуро поправив повязку, смысла в которой я больше не вижу, уходит, оставляя меня нервно прислушиваться к тишине за окном.

На этот раз тело горит от энергии, распирающей меня изнутри. Я без труда поднимаюсь и зачем-то долго всматриваюсь в зеркало, лежащее все так же неподалеку. На небольшом низком столе.

Запускаю пальцы в путанные волосы.

Да уж... как же хочется смыть с себя пот, грязь и невыносимый запах крови. Он мучает больше всего.

Показываю своему отражению язык.

Как вдруг мой взгляд цепляется за сундук. Тот самый, в который ранее залезала женщина, когда искала зеркало.

Пальцы дрожат от нетерпения, пока я поднимаю увесистую крышку.

Всматриваюсь в содержимое... и не могу сдержать ликование. На самой поверхности я обнаруживаю кусочек умопомрачительно пахнущего мыла, завернутого в белоснежную ткань. Зарываюсь носом в благоухающий брусок. И во мне зреет лихая мысль найти воду. Да... это же поселение. А лю-

ди испокон веков старались строить свои жилища рядом с речкой или запрудой.

Наспех надеваю длинную рубаху, которую без зазрения совести достаю из того же сундука, и бесстрашно направляюсь к выходу.

Надеюсь, что все спят и моя шалость удастся.

Природа встречает меня мягкой темнотой, запахом скошенной травы, полевых трав и цветов, а еще нежным стрекотом сверчков.

По телу проносится дрожь. Прохладный воздух, как истинный любовник, ластится под подол моего платья, лаская ноги, поднимаясь к груди. Обхватываю себя за плечи и начинаю медленно идти, боясь наткнуться на кого-то из людей.

Привыкнув к темноте, я не сразу, но обнаруживаю узенькую тропинку, ведущую в глубь небольшой, но густой лесополосы. Прислушиваюсь... да! Сердце выпрыгивает из груди. Шум воды.

Я так мечтаю скорее погрузиться в воду. Даже представляю, какое это блаженство. Но меня вынуждает остановиться чей-то сдавленный крик.

В страхе прислушиваюсь. Делаю несмело несколько шагов к кусту с густой кроной.

Это точно речка. Блестящая, тихая.

А в ней... дыхание обрывается, все тело деревенеет от ужаса и шока, а еще от непонимания, как мне поступить, широко размахивая руками тонет человек... а я... оглядываюсь по

сторонам, кусаю губы в кровь... я единственная, кто его может спасти.

Глава 14

Делаю несколько стремительных шагов к берегу. Внутри назревает, набирая обороты, панический страх за судьбу человека, попавшего в беду. Который в один момент просто уходит под воду, оставляя на ней широкие круги.

Не раздумывая ни секунды, прыгаю вслед за ним, задыхаясь от резкого перепада температуры. Тело пронизывает колючий озноб. Делаю вдох и ныряю, направляясь к тому месту, где, по моим расчетам, он пошел ко дну.

Вода в это время суток темная, густая. Открываю глаза и абсолютно ничего не вижу. Стараясь не тратить драгоценное время, широко развожу руками, обследуя вокруг себя как можно больше подводного пространства.

Воздух в легких заканчивается. Выныриваю, пытаюсь носочками дотянуться до дна.

Его нет...

Кружусь в разные стороны. Длинные волосы, как змеи, касаются лица, добавляя к моему отчаянию еще и липкий суеверный страх. Если я опоздала, то, возможно, уже сейчас плаваю рядом с мертвым человеком. Трупом.

По телу проносится дрожь.

Гоню от себя плохие мысли.

Еще не все потеряно. У меня есть в запасе пара минут.

Нужно постараться.

Ну же, Олеся! Ты сможешь!

Всматриваюсь в водную гладь.

Глаза слезятся от напряжения.

Одинокая луна ярким фонарем подсвечивает серебристую воду.

Где же он?

Замираю, прислушиваясь к тихим всплескам бьющихся о берег волн. Вдруг удастся сквозь толщу воды услышать его крики или стоны.

Тишина.

Еще раз ныряю...

На этот раз что-то, судя по размерам, большое врежется в мое тело.

Выдергиваю нечто на поверхность.

Господи. Это же мальчик. Прижимаю его тельце к груди. Как вообще он мог оказаться один на речке?

Еще непонятно, жив он или нет. Буду надеяться, что я все же успела. Гребу к берегу, придерживая его одной рукой. У самой кромки воды вдруг слышу чьи-то крики и быстрые приближающиеся издалека шаги.

- Помогите! – кричу что есть силы. К воде подбегают двое мужчин.

Ну слава богу.

Помощь подоспела вовремя. Я почти выдохлась. Мышцы сводит от напряжения. Мужчины спешно выхватывают мальчишку из моих рук, а когда понимают, кто перед ними,

замирают с искаженными гримасой ужаса лицами.

- Ведьма... что ты с ним сделала? – надвигается на меня один из них, пока я неуклюже поднимаюсь на ноги, путаясь в подоле длинной рубашки.

- Это Гладий. Мать обыскала его. А здесь, оказывается, вот оно что, – чуть ли не стонет другой мужчина, встревоженно наблюдая, как его товарищ тормозит мальчика, держа того за плечи.

- Ему можно помочь, – скороговоркой выпаливаю, протягивая руки к ребенку, одновременно вспоминая порядок действий по оказанию первой медицинской помощи. – У нас мало времени.

- Не смей, – ссезивая слова, с перекошенным от ярости лицом хрипит мужчина. Тот, что пытался привести в чувства мальчика. Хватает меня за волосы. От неожиданности и боли кричу. Сильное натяжение заставляет тело вытянуться. Дыхание перехватывает, а на глазах выступают слезы. Отчаянно хватаюсь за его кисти, чтобы хоть немного ослабить хватку. Но мужчина лишь сильнее стискивает пальцы.

- Если ему не помочь, он умрет, – шиплю, стискивая зубы. Как же больно.

- Сынок! – надывается позади нас женский голос. Быстрые шаги, и к мальчику подлетает невысокая женщина с растрепанными медными волосами.

- Вы нашли его... – плачет, убирая с лица сына влажную челку.

- Он мертв? – хрипло, растягивая гласные звуки, спрашивает женщина, вздрагивая всем телом.

И я вместе с ней дрожу, всматриваясь в красивое бледное лицо, на котором мелькает калейдоскоп всевозможных эмоций... от неверия до надежды и наоборот. Пока к ней, наконец, не приходит осознание, заставляя ее тело выгнуться дугой, задрать высоко голову и завывать, закатывая от горя глаза.

От лютой безысходности в голосе женщины мне хочется заткнуть уши, зарыться в песок... уйти с головой под воду, лишь бы перестать ощущать все это на собственной шкуре. Ее боль выливается наружу, проникает под кожу.

- Это она? – сломанной куклой поворачивается ко мне безутешная мать, переходя на зловещий шепот. – Она его убила? Ведьма? – каждое слово женщины режет без ножа. Занозой вонзается, намертво застревая в моем сердце.

- Что? Нет! – трясущей головой. – Это не я. Я хотела его спасти.

Резкий удар под дых выбивает из меня весь воздух. Я сгибаюсь пополам, корчась от острой, обжигающей легкие и живот боли.

Пока пытаюсь сделать вдох, давлюсь удушающим горло кашлем, берег наполняется разъяренными людьми, тыкающими мне в лицо яркими факелами.

- Это ведьма виновата.

Дергаюсь, уходя по щиколотку в воду.

У меня есть одно спасение – вода. И если удастся нырнуть,

то, возможно, получится уйти.

Мой взгляд замирает на детской фигурке, лежащей без движения на песке.

А ведь плаваю я отлично. В юности я довольно успешно ходила в секцию по плаванию. Занимала призовые места. Уверена, что достаточно одного рывка, чтобы оказаться на другом берегу.

Но мальчик...

Судя по растерянным лицам в толпе, они понятия не имеют, что мальчику еще можно помочь.

Нужно попытаться прорваться.

Собираю себя в кучу. Делаю рывок, расталкивая людей локтями.

Не дают!

Обступают со всех сторон.

- Дайте мне ему помочь! – стараюсь докричаться до глупцов, которые за своей ненавистью к Оливии не видят очевидного.

Не сдаюсь, снова и снова бросаюсь на людей, пока мне не скручивают руки, обездвижив тело. И даже тогда я не перестаю кричать, умоляя мне поверить.

- Пожалуйста. Вы убиваете его. Дайте мне помочь мальчику.

В лицо летят удары. Меня бьют, не жалея и не церемонясь. Мотают в разные стороны, стремясь то ли выцарапать мне глаза, то ли оставить без волос.

- Вы не понимаете, – слабо уворачиваюсь. – Если ему не помочь, он умрет, – скулю как собака. – Почему вы меня не слушаете?! – еще не сдаюсь, пока не получаю сильнейший удар в челюсть. От силы удара на мгновение вырубаясь, но быстро прихожу в себя, когда сквозь гам голосов вдруг слышу другой голос – низкий, вибрирующий, заставляющий моих мучителей прекратить истязать мое тело.

- Что тут происходит?

Раднор.

Открываю глаза.

- Она убила Гладия, – кричат в толпе.

- Неправда, – поднимаю разбитое лицо к свету, разглядывая мощную фигуру. Морщусь от боли, стреляющей в виски.

- Он тонул. Я его вытащила и сейчас могу помочь.

Взгляд мужчины проходится по притихшей толпе, чуть дольше задерживается на мне, а после опускается на песок, где лежит мальчик.

Мое сердце пропускает удар.

Я напряженно жду... все ждут его решения.

- Ты правда можешь помочь? – обращается ко мне мужчина. Не ожидая от него вопроса, обескураженная его вниманием киваю.

А вдруг не получится?

Усмехаюсь про себя.

А что изменится? Правильно, ничего. Я как была для каждого из них ненавистной ведьмой, так и останусь.

- Я попробую.

Мужчина взмахом головы приказывает толпе расступиться. Волевой подбородок и тяжелый взгляд на корню пресекает любые возмущения.

Толпа недоуменно переглядывается, но подчиняется, открывая подход к мальчику.

Ощущаю себя идущей на эшафот. Несколько раз глубоко выдыхаю и вдыхаю, возвращая себе способность трезво мыслить. Сделав несколько глубоких вдохов и выдохов, встаю на колени рядом с мальчиком, наклоняюсь к его лицу, молясь, чтобы у меня получилось. Не ради себя... ради него.

- Что она делает?

- Она пьет его душу...

- Не мешайте, – осаждает Раднор, внимательно наблюдая, как я старательно делаю ребенку искусственное дыхание и после нажимаю на детскую грудную клетку. Раз, два, три, четыре – считаю про себя.

Все разговоры, шепот разом обрываются. Напряжение в воздухе достигает наивысшей точки. Я стараюсь не обращать внимания на чувство угрозы, что мечом палача нависает над моей головой. Одно неверное движение, и меня растерзают на кусочки. Но все это не важно, если мальчик умрет.

Я сама себя не прощу.

Ну же! Давай.

Спина от неудобного положения затекает. Поясницу тянет, нагружая и без того усталое тело.

Кажется, что проходит вечность, так устают руки, но мальчик все еще остается без движения.

Неужели ничего нельзя сделать? Неужели я все-таки опоздала? Мы все опоздали...

От тянущей в груди пустоты и нарывающего откуда-то изнутри бессилия я, бесконечно смахивая со щек жгучие дорожки от слез, не зная, что еще сделать, бью кулаком мальчика в грудную клетку.

- Что ты... – коршуном налетает на меня мать ребенка. Наваливается, дергая за волосы.

- Смотрите!

Вдруг тело мальчика начинает дергаться. Сквозь синеющие, по-детски пухлые губы вырывается булькающий звук. Я кое-как вырываюсь из рук сошедшей с ума матери, чтобы резко вскочить и перевернуть мальчика на бок. Он громко кашляет, извергая из своих легких речную воду.

- Сыночек... – стонет рядом женщина, придерживая сына за плечи.

Медленно поднимаюсь. От пережитых эмоций и адреналина, еще бушующего в крови, тело шатает в разные стороны. Оглядываюсь назад. Все, кто находится на берегу, что-то кричат. Мать больше не сдерживает себя, плачет в голос. Устало вздыхаю, поворачиваясь в сторону к той самой тропинке, что вывела меня сюда. Сил нет. Я еле-еле передвигаю ноги. Меня словно выпили, иссушили.

- Подожди... – догоняет Раднор. Я безразлично продол-

жаю идти, мечтая поскорее куда-нибудь лечь. Удерживает за плечо. Нехотя поворачиваю голову, натываясь на его горячий взгляд. В нос забивается его особенный запах. Задерживаю дыхание. Мужчина смотрит долго, ища что-то только ведомое ему на моем лице.

- Не знаю, как ты это сделала... но... — замолкает, словно борясь с желанием вымолвить те самые слова... Горько усмехаюсь. Слова благодарности ведьме?

Да. Оливия не была способна на такие подвиги.

А я лезу куда не просят, со своим глупым милосердием.

Снова отворачиваюсь. Я не хочу ничего доказывать. Не могу... не сейчас. Делаю шаг и снова шатаюсь, чувствуя, как перед глазами пляшут мошки. Все тело болит. От пережитого стресса и ушибов на теле.

Подхватывает на руки. Сопротивляться сил нет. Кладу голову ему на грудь и проваливаюсь в нечто между сном и явью. А когда открываю глаза, обнаруживаю себя на своем спальном месте с головы до ног укутанной в теплые шкуры.

Глава 15

Остаток ночи проходит в каком-то дурмане. Я вроде сплю, но в то же время постоянно прислушиваюсь к звукам на улице. Мне страшно, что кто-то из жителей захочет тайком покарать меня, не веря в то, что я искренне помогала мальчику. Да я просто уверена, что мои действия приняли за темное колдовство. Главное, чтобы мальчику не досталось после. Чтобы никто не смел обвинить его в одержимости, например. Кто-то же кричал из толпы, когда я делала ему искусственное дыхание, что я пью его душу.

Наутро, отлежав все бока, я нехотя поднимаюсь, чувствуя, как ломит все тело. Но как-то по-другому. Словно я бежала несколько километров, а на следующий день приятно болят мышцы.

Прислушиваюсь к себе.

Да... ощущаю я себя более чем сносно. И это после того, как меня избили? Странно.

На пороге появляется все та же женщина. Она привычно осматривает меня и вдруг замирает, бледнея, словно видит перед собой саму смерть. Что так напугало ее? Я?

Натягиваю до подбородка одну из шкур, теряясь от ее взгляда.

- А говорила, не помнишь как, – заявляет женщина сипло и, поставив на стол чашку с травами, к которым я успела

привыкнуть, пока она меня лечила, уходит, оставляя меня тихо недоумевать.

Что происходит?

- Не понимаю... – бросаю ей вслед, и не надеясь, что она мне ответит.

Так и получается. На выходе она правда оборачивается и, поджав губы, дергает подбородком, точно видит во мне что-то крайне неприятное.

Что ее так испугало в моей внешности? У меня выросли ведьминские бородавки? Или нос стал крючком?

Оглядываюсь по сторонам. Где же зеркало?

Нахожу его неподалеку.

Тянусь. А когда наконец всматриваюсь в серебристую гладь, то не сразу понимаю, что вижу именно свое отражение. Сначала даже думаю, что у меня что-то со зрением. Несколько раз моргаю... отражение повторяет за мной.

Это точно я... Но... Боже. Дотрагиваюсь до своего лица.

Идеально гладкое. Без следа побоев. Кожа, кажется, подсвечивается изнутри.

Волосы – шелковистые, длинные, с тугими кудряшками.

Вскакиваю, задирая подол рубахи, чтобы оголить колени, бедра. И там кожа чистая... глянцева.

Значит, все-таки магия есть... во мне.

Я ведьма.

Эти слова набатом звонят в голове. Бьют по нервам, накаляя их добела.

Не может быть... я же не Оливия. Я та, кто я есть и была, — обычная русская девушка.

Нет... боже, нет... На глазах выступают слезы бессилия.

- Ты красивая, — вздрагиваю от тоненького голоса. Натягиваю на колени рубашку и, смахнув слезы, оборачиваюсь... к мальчику. Тому самому, что я все-таки спасла.

- Привет, — улыбаюсь сквозь слезы.

Мальчик с детским любопытством разглядывает меня. Смотрит бесстрашно и, я бы сказала, замороженно, словно перед ним божество какое-то.

Веснушчатое хорошенькое лицо светлеет, когда я киваю ему в ответ. И чтобы не спугнуть мальчика, замираю, позволяя ему меня рассмотреть.

Теплый взгляд обескураживает. Я, оказывается, уже успела привыкнуть к тому, что на меня здесь смотрят только с ненавистью, мечтая как минимум придушить.

Находясь в полной растерянности, просто стою, купаясь в его чистоте... наивности. Как же это приятно.

- Мама сказала, что ты плохая... но разве такие, как ты, могут быть злыми? У тебя душа добрая... светлая. Я вижу, — произносит задумчиво и тихо уходит... оставляя меня в полном раздрае, наедине со своими чувствами.

Вот это поворот. Светлая душа, добрая. Улыбаюсь, вытирая уже слезы счастья с глаз... дети не могут врать... я не Оливия. Я та, кто я есть.

Утро, а потом и день проходят слишком быстро. Я ничего

не делаю. Совсем. Ем, сплю и много размышляю.

Найдя в сундуке чистые листы и огрызок то ли угля, то ли грифеля для письма, начинаю записывать любые факты из книги, которые всплывают в памяти. Имена. События. Все еще раз перечитываю.

Ну что же. Мне известно все и ничего, словно я прочитала первую часть книги и совершенно не знаю, даже не предполагаю, что будет во второй. Там, в первой истории, безоговорочный хеппи-энд. Враги... вернее один враг – повергнут. А дальше... проклятье... совсем не понятно, куда должен пойти сюжет. Какой поворот ждет ту, о которой в принципе не стоило рассказывать целую историю. Ну или это всего лишь короткий эпилог... меня растерзали люди... и разнесли мой прах по всей земле, чтобы наверняка не смела проворачивать свои злодеяния. Я бы именно так сочинила и написала, поставив жирную точку.

Да уж...

Пока размышляю, старательно пыхтя над своими записями, не сразу замечаю появление на пороге стопки аккуратно сложенной одежды.

Интересно. Это для меня?

Несмело подхожу...

Видимо да. Одежда женская. Я бы даже сказала, традиционная для этого места. Я успела увидеть точно такую же. Рубашка. Нательная... едва закрывающая бедра, с короткими пышными рукавами и что-то похожее на сарафан, но с вы-

сокими вырезами по бокам... и юбка под него из льна или хлопка. Приятная на ощупь. Провожу пальцами по искусственным узорам, вышитым на белоснежных рукавах. Ткань сарафана зеленая... точно молодая зелень. Все вместе смотрится мило... свежо.

Не знаю зачем, но я примеряю на себя этот подарок. То, что это подарок, понимаю сразу. Только вот от кого, непонятно. Покрутившись вокруг себя, вдруг отчаянно решаю, что просто обязана выйти отсюда и прогуляться. Да... прошлые события меня ничему не учат. Да и смысла нет прятаться. Я прекрасно понимаю, что не стану жить в затворничестве. Не могу. Дышать в неволе, в этих четырех стенах нечем. Стены моей тюрьмы с каждым новым часом все больше сужаются.

Мне как никогда хочется просто снова почувствовать себя свободной. Может, этот наряд знак... что жители меня простили. Я же спасла их ребенка, а значит, не враг им.

Ладно, решаю, не попробую – не узнаю. Была не была. И выхожу, вдыхая свежий вечерний воздух полной грудью.

Голоса неподалеку заставляют меня в страхе вернуться обратно. Так не пойдет. Я слишком приметная.

Найдя все в том же сундуке платок, набрасываю его на голову. Так чувствую себя в безопасности.

Несмотря на то что за окнами поздний вечер. Солнце еле-еле освещает конусообразные крыши лачуг, накрывая землю серыми сумерками, повсюду снуют люди. В воздухе витает

атмосфера праздника. Счастья... И я заражаюсь всеобщим настроением, следуя за людьми, которые шумными стайками стекаются к широкой поляне, где пылает огромный яркий костер, возле которого танцуют парни... девушки, переплетая в быстром ритме свои руки. Хоровод... они водят хороводы.

Не найдя ничего более подходящего, прячусь за невысоким камнем, не смея подойти ближе.

Не хочу портить всем настроение. И себе в первую очередь, прекрасно понимая, как именно меня встретят, если увидят. Пусть так, тайком, но я позволю себе развеяться. Взбодриться.

Жадно разглядываю каждого из присутствующих.

Какие же они беспечные. Молодые. Заряжаюсь этим всеобщим весельем. На душе теплеет. Я даже пританцовываю в такт. Пока вдруг не натыкаюсь на Раднора, стоящего чуть в сторонке.

Он как грозная статуя возвышается над всеми. В празднике участия не принимает... ему точно не весело... он хмуро и как-то лениво всматривается вглубь костра, не обращая внимания на происходящее. Пока к нему не подходит та девушка, которая так ярко признавалась ему в любви, а он отвечал ей взаимностью.

Сама не зная зачем, но я подглядываю за ними. Не могу оторваться, словно от этого зависит моя жизнь.

Длинные красные, словно пламя костра, волосы девушки

не заплетены. Они водопадам ниспадают до бедер, придавая ей чарующий, загадочный вид.

Красивая... невероятная. В груди неприятно шевелится что-то темное, словно она не имеет права так смотреть на него... открыто, маняще. Никто не устоит.

Девушка игриво берет его за руку. Тянет. Зовет за собой. Но он на мое и ее удивление не идет. Мягко отстраняет хрупкую фигуру, что-то негромко, но твердо объясняя ей.

Девушка не сдается. Сама льнет к нему, прижимаясь всем телом. Мужчина напрягается, однако обнимает ее за талию, позволяя той положить голову ему на плечо.

Прекрасная картина. В груди неприятно печет.

Зачем я смотрю на все это. Только насилую себя. Собираюсь вернуться обратно, но не выдерживаю и в последний раз оглядываюсь на парочку, стоящую в обнимку, пока не замечаю на себе взгляд девушки.

Делаю шаг назад.

Не может быть...

Девушка точно смотрит в то место, где я сейчас стою. И мне даже отсюда видны ее глаза, в которых горит огонь триумфа.

Глава 16

Отворачиваюсь, оглушенная kloкочущим стуком собственного сердца. Рывком заглатываю воздух. Перед глазами продолжает стоять взгляд той девушки. Преследуя. Осуждая. Никак не могу избавиться от давящего чувства неправильности происходящего. Я словно застряла в зазеркалье... и все, что я до этого считала неприемлемым... здесь, в этом чужом мире, является нормой для меня. И даже больше. Стало неотъемлемой частью моей новой жизни. Оказывается, это так разрушительно для сознания, для души, когда то, что ты всю осознанную жизнь осуждал, теперь твоя реальность. И для тебя больше не существует иных принципов и морали. Есть только голая правда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.